

Авантюрная мелодрама

Литом **ЛЕОНТЬЕВ**

ИНТЕРВЬЮ С МАГОМ

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ
Интервью с магом

«ЭКСМО»

2009

Леонтьев А. В.

Интервью с магом / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2009

Телеведущая Катя Саматоха осталась без работы и никак не могла найти новую из-за скандала в прямом эфире, поэтому очень обрадовалась приглашению в жюри шоу «Война магов». Конечно, все эти маги оказались форменными шарлатанами... кроме экстрасенса Светланы – ей удалось настроиться на волну убитого одиннадцать лет назад мальчика Феликса, похищенного ради выкупа, и сообщить детали, которые она никак не могла знать. А потом на шоу дозвонилась детдомовская девочка Маша и заявила: она – реинкарнация Феликса... Отец Феликса, знаменитый художник Сальвадор Аскольдов, попросил Катю и Светлану привезти к нему Машу. Встретившись с девочкой, он поверил в новое воплощение своего сына и взял ее на воспитание. И все бы закончилось благополучно, если бы Светлана не погибла через несколько дней... А потом Кате позвонила Маша и рассказала, что ее вновь посетило видение – об очередном похищении ребенка...

© Леонтьев А. В., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	32
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Антон Леонтьев

Интервью с магом

Один шаг за эту черту, напоминающую черту, отделяющую живых от мертвых, и – неизвестность страдания и смерть. И что там? кто там? там, за этим полем, и деревом, и крышей, освещенной солнцем? Никто не знает, и хочется знать; и страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее; и знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать, что там, по той стороне черты, как и неизбежно узнать, что там, по ту сторону смерти...

Л. Н. Толстой. «Война и мир»

– Ура Карамазову! – восторженно провозгласил Коля.

– И вечная память мертвому мальчику! – с чувством прибавил опять Алеша.

– Вечная память! – подхватили снова мальчики.

– Карамазов! – крикнул Коля, – неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых, и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

– Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, – полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша.

– Ах, как это будет хорошо! – вырвалось у Коли.

Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»

Глава 1

– Жертва гламура! Блондинка в шоколаде! Помпадурша!

Такова была моя последняя реплика, разнесшаяся по стране во время последнего эфира. В тот момент я, конечно, понятия не имела, что он станет моей последней передачей, ведь я ощущала себя жертвой! Жертвой беззащитной, махровой, стервозной хамки, нападавшей на меня перед миллионами радиослушателей!

Когда эфир бесславно закончился, я осталась сидеть в кресле. Руки у меня дрожали, на лбу выступил пот, а лицо пошло пунцовыми пятнами. Больше всего мне хотелось расплакаться, но я не могла позволить себе подобного – это бы значило, что мегера одержала окончательную победу!

Впрочем, в том, что моя гостья стала победительницей, я не сомневалась. Она, как всегда, чертовски элегантная, в простом черном сарафанчике «от кутюр», который я не смогла бы купить и на три своих месячных зарплаты, с шикарными жемчужными бусами вокруг тонкой шейки, в стильных очечках, делавших ее похожей на псевдоинтеллектуалку, – неспешно поднялась с кресла, потянулась, как пантера, и, уже не смотря на меня, заявила куда-то вбок:

– Какая же здесь спертая атмосфера! И как же здесь дурно пахнет!

Итак, я, Катя Саматоха, являлась на тот момент ведущей ежедневной радиопередачи «Культовая личность». Не то чтобы это был самый рейтинговый эфир, однако я считала себя представителем столичного бомонда, более того – московской интеллигенции. Еще бы, ведь у меня имеется диплом психолога и даже кандидатская степень!

Кроме того, я регулярно строчила статьи для гламурных изданий, и в них постоянно мелькали такие малопонятные, но завораживающие публику слова и словосочетания, как

«деперсонализация сверх-Я», «латентная манифестация комплекса Электры» или «символическая реставрация примордиального хаоса».

Помимо этого у меня вышло четыре книги – в первой из них я учила читателей, как найти правильного спутника жизни, во второй давала советы по построению счастливой семейной жизни, а в третьей рассказывала о том, как с минимальными потерями развестись. Все рекомендации базировались на личном опыте: я сама тоже нашла верного спутника жизни, прожила с ним почти четыре года и развелась. Мой супруг – не самый последний человек в российском шоу-бизнесе – помог мне сделать карьеру в качестве редактора в своей телевизионной программе, а после того как программу закрыли и мы развелись, уже на радио я тоже сначала была редактором, а затем и соведущей «Культовой личности». Именно в качестве одной я и создала свою четвертую книгу из жизни современной молодежи с концептуальным названием «Вздрюченные». Правда, культовый статус, на который я так надеялась (и, как на приятное к нему приложение, на весомый гонорар и продажу прав за рубежом), она так и не приобрела, а еле-еле разошлась тиражом в четыре тысячи экземпляров.

Суть программы, как говорит ее название, заключалась в том, что каждый божий день в гости ко мне и моему напарнику приходили разнообразные интересные (или опять же не очень) гости, с которыми мы в течение примерно двадцати минут вели умную (ну, или не очень) беседу.

Так было запланировано и в тот четверг, третьего сентября. Гостьей нашего эфира стала Софья Безенчук. О, это имя! О, эти формы! О, этот язычок! О, эти крашенные кудри, контактные линзы, несколько лошадиное лицо...

Софья была не просто модной девушкой, она являлась королевой московского гламура, рекордсменкой по богатым любовникам и этакой, правда, весьма бледной, копией своей американской товарки Пэрис Хилтон.

Наверняка девочку (хотя какая она девочка – вот уже пятый год подряд Софья празднует свой двадцать третий день рождения!) гложет желтая зависть по отношению к американской пустышке, у которой она когда-то брала интервью. Но, естественно, Софья ни в чем таком не созналась – наоборот, сделала вид, будто до Пэрис ей дела нет.

Мне, как дипломированному психологу, сразу стало понятно – если человек пытается увильнуть от темы и говорит о чем-то с нарочитой небрежностью, значит, это волнует его больше всего. Собственно, перепалка в прямом эфире началась с сущей безделицы. Ну, сказала я Софье, что мы рады приветствовать у себя в гостях русский клон Пэрис Хилтон, и что с того? Другие бы сочли мои слова несомненным комплиментом!

Ан нет, Софья не такая! Она и ухом не повела, только зеленые глазки за стеклами стильных очков сузились, да на лбу возникла мимолетная морщинка. И она – Софья, конечно же, а не морщинка – ринулась в бой!

Скажу честно: потом, перечитывая стенограмму эфира (прослушать запись у меня не хватило мужества), я поняла – практически с самой своей первой фразы эфиром рулила наша незабвенная гостья Софья. О чем она без стеснения под конец и заявила всему честному народу. Я же поддалась на ее провокацию, пошла на поводу у этой платиновой блондинки, этой великосветской содержанки, этой позлащенной пустышки. В общем, надо признать (что я и сделала скрепя сердце и скрипя зубами), что в нашей неравной схватке она была гладиатором, а я – истекающим на арене кровью львом, она тореадором, а я – пускающим слюни быком, она дрессировщицей, а я – болонкой, послушно прыгающей через горящий обруч с тумбы на тумбу.

Только позже я узнала истинную причину всего случившегося – вначале мне думалось, что Софья решила поставить на место зарвавшуюся, по ее мнению, ведущую, посмевающуюся делать ей несколько замечаний и подпустившую пару невинных шпилек в ее адрес. Но с самого начала меня не оставляла мысль о том, что Софья все заранее спланировала, что ее меткие

фразочки были не спонтанной реакцией, а домашними заготовками. Кстати, ведь и на эфир не мы ее пригласили – нам позвонил пресс-секретарь светской львицы и заявил, что Софья хочет прийти к нам на программу. Конечно же, мы не ответили отказом!

А дело было проще простого – Софья меня элементарно приревновала.

Незадолго до эфира я посетила одну из столичных тусовок, на которой, естественно, присутствовала и наша раззолоченная принцесса Софьюшка. У нее, единственной дочки бывшего наставника наших дорогих президента и премьера, выпускницы МГИМО, шестой год подряд работающей над диссертацией (в итоге, я уверена, девочка купит работу, написанную бездежным доцентом, и с блеском защитит ее в совете, где сидят сплошь друзья да знакомые ее мамочки и покойного папочки), в то время завелся новый бой-френд.

Вообще-то у Софьи друзей – хоть пруд пруди, особенно богатых и очень богатых. Вернее, очень, очень и очень богатых. Бедных друзей у нее нет по определению (видимо, не подходят ей по знаку Зодиака). А бедным для Софьюшки считается любой, у кого меньше двадцати миллионов в иностранной валюте. То есть она специализируется на олигархах, желая, по всей вероятности, стать супругой одного из них.

И на той вечеринке Софья появилась в компании развязного молодого субъекта в алом шелковом костюме и с безумным блеском в глазах. Ни дать ни взять – Шляпник из «Алисы в Стране чудес». Сам-то он не олигарх, но сын одного из оных, что тоже неплохо – мальчик является наследником гигантской империи не то нефтяных вышек, не то целого газопровода, не считая, конечно, таких мелочей, как парочка алюминиевых комбинатов и алмазных котлованов.

Юноша был под завязку накачан наркотиками, которые предлагал любому встречному и поперечному, как будто речь шла о сигаретах или леденцах. Предложил и мне – я как раз вела беседу о недавно вышедшей на английском биографии Кафки с новыми сенсационными сексуальными подробностями из жизни величайшего из писателей. Олигарх-юниор схватил меня за локоть, оттащил в сторону и протянул кулечек с белым порошком. Я вежливо отказалась, сославшись на то, что пудра у меня имеется своя. Молодой оболтус не понял скрытого сарказма и заявил:

– Зелье первый класс, мне его специально из Колумбии по дипломатическому каналу доставляют!

Софья, окруженная, как обычно, поклонниками, бросала на нас беспокойные взгляды. А наследник вышек и газопроводов поволок меня в соседний салон. Там он закрыл дверь и, плюхнувшись в кресло, заявил:

– Ну, начинай!

Я, не понимая, что тип имеет в виду, позволила себе поинтересоваться скрытым смыслом его бессмысленного замечания. И юный олигарх, теребя себя за ширинку, ответил с поражающей прямоотой:

– Вставай на колени и удовлетвори меня своими губками, киска! А то Софка от работы отлынивает – ей недавно новую челюсть вставили, она за нее трясется.

И тогда до меня дошло – наследник несправедно нажитых миллиардов предлагал мне обслужить его так же, как обслуживала президента Клинтона практикантка Моника Левински! Причем, как наверняка полагал юноша, данное занятие является небесной мечтой любой из женщин нашей галактики, но и, не исключено, трех соседних. Юный балбес уже стаскивал с себя штаны, а я подобно жене Лота превратилась в соляной столп. Дверь в тот момент распахнулась, и на пороге возникла Софья. Она, как гарпия, ринулась к своему ококаиненному дружку, я же, воспользовавшись сумятицей, выскользнула прочь.

Помню только, что в дверях оглянулась и встретилась взглядом с Софьей, пытавшейся застегнуть ширинку будущему олигарху. И меня аж передернуло, столько яда и злобы было во взгляде столичной недокрасавицы (это о ней бытовал анекдот: «Поймал крокодил Софку

Безенчук, присмотрелся и решил: «Не такой уж я и голодный!» Присмотрелся лучше и сделал вывод: «Не такой уж я и крокодил!»).

Теперь задним умом, я поняла – Софья приревновала меня к своему дружку и решила прилюдно наказать, устроив взбучку в прямом эфире. И я поддалась на ее многочисленные провокации! Еще бы, кто бы не поддался, услышав в свой адрес такие перлы: «Катюша, что вы сидите красная, как помидор? Вас что, инфаркт накрыл? Или, может, внезапный оргазм? Ну, тогда мои поздравления – ведь это ваш первый за последние три года, после развода с вашим телевизионным супругом. Ах, пардон, ошиблась, ваш первый оргазм за всю жизнь!». Или: «Ах, что за страсть к классификациям! Вам бы в свое время в гестапо работать, людей на категории делить и в газовые камеры отправлять, милая моя!» И, как апофеоз наглости и безвкусицы: «А что вы фамилию-то себе, Кэтти, мужнину-то оставили? Почему не стали вновь Редькиной или Ошметкиной или как там вы до замужества именовались? И вообще, из-за чего вас супруг бросил? Из-за вашей фригидности, сопряженной со скудоумием?»

Я потеряла голову, закусила удила и подняла брошенную перчатку. Только силы были неравные – Софья никогда за словом в карман не лезла, а тут еще дома приготовила хлесткие реплики. Да и чем можно было взять эту бесстыдную особу? Она не скрывала, что буржуазный образ жизни – вечные гламурно-кокаиновые тусовки, вечные богатые любовники, вечный праздник – ее вполне устраивает. И подкузьмить ее было практически невозможно. Я пару раз пыталась, но ничего не вышло: Софьюшка, подобно мурене, вцепилась в меня мертвой хваткой и не желала отпустить.

Мне бы стоило прекратить базар в прямом эфире, эту недостойную перепалку, но я сама вошла в раж, искусно поддерживаемый постоянными нападками со стороны Софьи. Она хотела не просто меня унижить – она желала растоптать меня, оплевать и спустить в канализацию. И у нее, каюсь, получилось.

Мой коллега пытался сгладить ситуацию и сменить направление беседы, но Софья его попросту не замечала, бухая молотом по одной и той же точке – по моему самолюбию. Заметив, наконец, редактора «Культовой личности», заламывавшего руки и выпучившего глаза, я попыталась избавиться от гостыи, предложив ей покинуть эфир. На что Софья Безенчук, сладко улыбувшись и демонстрируя свой белоснежный, без единого изъяна искусственный оскал (видимо, ту самую новую челюсть, которую упоминал юный олигарх), заявила:

– Дорогуша, если вам приспичило по-большому, вы и уходите с программы. Туалет вон в той стороне. Вам гигиенические салфетки и тампоны не требуются? А то могу поделиться!

Излишне говорить, что после этого замечания все началось по-новому. О, боги, боги, почему вы, если желаете наказать человека, отнимаете у него разум! С Софьи какой спрос, у нее вместо мозгов тополиный пух, но как я-то могла пасть так низко!

Смешав меня с грязью и вылив в эфир тридцать три лохани помоев, Софья привела в исполнение акт мести. Программа закончилась моим истошным криком, завершающим аккордом в симфонии глупости и тщеславия.

А Софья, грациозно поднявшись с кресла, подошла ко мне и мило спросила, протягивая бокал с минеральной водой:

– Ну что, Катенька, успокоилась? Хотя нет, ты же вся еще дымишься! Как бы не произошло короткого замыкания и редчайшего в природе случая самовозгорания человека... Хотя какой ты человек, так – силиконовая кукла из секс-шопа!

И королева гламура вылила мне на макушку содержимое бокала! Это было заключительным, смертельным ударом. Я сидела не шелохнувшись, чувствуя, как вода течет с волос по щекам, бежит по спине и груди. Не знаю, может, Софья ожидала, что я вцеплюсь ей в физиономию и мы, как две торговки с базара, начнем кататься по полу, выдирая друг у друга нарощенные кудри и накладные ресницы. Но она была права – я уже перегорела, и мне было все равно, что делает крашенная блондинка с лошадиным лицом и фальшивой челюстью.

– Прощай, неудачница! – выплюнув в мою сторону последние слова, наша поразительная гостья и удалась из студии в сопровождении своей многочисленной свиты.

Кто-то накинул мне на плечи полотенце, но больше всего мне хотелось провалиться сквозь землю.

Вечером того же дня я отвела душу в своем Интернет-дневнике. О, какой остроумной, злобной и беспощадной я была там по отношению к Безенчучке! Я разделала ее под орех, распотрошила не хуже, чем Джек-потрошитель свои жертвы, я опустила ее ниже уровня Мертвого моря!

Но все это было не то. Странное щемящее чувство в груди не проходило, и, к моему ужасу, почти все обитатели Интернета, комментировавшие нашу перепалку, отмечали, что Софья была, как всегда, на высоте, а вот меня били ногами...

История на том не закончилась, потому что гламурно-гламурная блондинка на следующий же день сидела в самом рейтинговом ток-шоу на Первом канале телевидения, где вновь и вновь терзала мое имя. Я же бессильно наблюдала за безобразным действием – меня-то на эфир никто не пригласил! Оно и понятно. Ведь я, Катя Саматоха, была мало кому известна, а если и известна, то благодаря фамилии, оставшейся от влиятельного экс-мужа. Софья же Безенчук, самонареченная столичная маркиза Помпадур и некоронованная тусовочная Екатерина Медичи, везде была желанной гостьей, тем более что почти со всеми рейтинговыми ведущими она на короткой ноге и на «ты».

А потом разразилась катастрофа – меня вызвал к себе генеральный директор радиовещательной компании. Я хорохорилась, я готовилась, я пылала жаждой мести. Да, я поступила непрофессионально, мне следовало не реагировать на провокации и задушить конфронтацию в эфире в зародыше, но ведь Софья намеренно подначивала меня – подставляла мне подножки и толкала в пропасть!

У меня было заготовлено гениальное, выстроенное по канонам формальной логики объяснение. Да, я признала свою вину, но было бы совершенно несправедливо винить меня одну. И тем более наказывать за скандальный эфир. Вообще-то он в одночасье сделал меня известной всей стране, а рейтинг «Культурной личности» под конец эфира взлетел до небес, став самым высоким за все время существования нашей компании!

Поэтому хоть визита к генеральному я и опасалась, но была уверена, что все пройдет гладко. Да, я повела себя не лучшим образом, позволила блондинке в шоколаде, бессменной ведущей реалити-шоу «Особняк-3», скрутить меня в бараний рог, но ведь программа от этого не пострадала! Наоборот, наша аудитория значительно расширилась, и наш с Софьей позорный диалог стал самой шикарной рекламой, какую нельзя было купить ни за какие деньги.

Я была уверена, что генеральный меня слегка пожурит, мы вместе выпьем кофе, и он, не исключено, предложит мне новый проект, гораздо более престижный и крутой, чем «Культурная личность», порядком мне поднадоевший.

И я не ошиблась. Генеральный в самом деле предложил мне новый проект. Назывался он «Бессрочный отпуск, или Увольнение по собственному желанию». Разговор, который проходил в огромном кабинете самого главного моего начальника (на стене, над самым письменным столом, висели портреты президента и премьер-министра, тех самых, которые начинали карьеру под крылом у папочки Софьи), развеял все мои иллюзии касательно собственной профессии. Хотя я вообще-то считала, что иллюзий у меня уже не осталось.

Шеф не стал вдаваться в детали и комментировать эфир с Софьей. Вместо этого он спросил меня:

– Знаешь, кто мне вчера звонил? Причем без четверти двенадцать ночи! Я уже лег спать, так что пришлось подниматься с кровати...

Да, начало было не самым радужным. И, не дожидаясь от меня ответа (я хотела было шутливо поинтересоваться, не Клаудиа ли Шиффер или, может, брошенная любовница), генеральный, бухнув волосатой пятерней по полированной столешнице, заявил:

– Ирина Евгеньевна Безенчук!

Ах, я все же попала в точку: звонила женщина. Кто же еще мог трезвонить без четверти полночь? Ирина Евгеньевна Безенчук, как свидетельствует знакомая фамилия, мамочка Софьи. И, кроме того, вдова ментора президента и премьер-министра. И, что еще хуже, сенатор Совета Федерации. Эту синекуру она получила, вне всяких сомнений, по протекции, что позволяло ей, как и дочке, постоянно мелькать на телевизионных экранах, на страницах глянцевого журналов и на разнообразных светских раутах. Причем Ирина Евгеньевна часто роняла многозначительные фразы, позволявшие сделать вывод, что с руководством страны она на короткой ноге и у нее, как у американского президента, имеется своя, особая, линия спецсвязи с Кремлем.

– Ирина Евгеньевна очень недовольна тем, какие злобные нападки ты позволила себе в адрес ее дочки, – закуривая сигару, произнес генеральный.

У меня аж челюсть отвисла – это я-то позволила себе нападки на прыткую хамку Софью?

Еще до того, как я успела возразить, шеф продолжил:

– И она сказала, что мы, государственная телерадиокомпания, не имеем права тратить деньги налогоплательщиков впустую! И в особенности подвергать гостей нападкам, высмеивать и унижать их в прямом эфире!

– А что, унижать можно только в записи? – ляпнула я, на что генеральный, выпустив кольцо сизого дыма, заметил:

– Значит, так, Саматоха. Поскольку из-за тебя сейчас много суматохи и головной боли, уйдешь в бессрочный отпуск. Программу будет вести твой напарник. Ему подберут новую соведущую!

Вот так меня и выставили на улицу. Софья подключила административный ресурс в лице своей могущественной мамы – и меня в два счета уволили. Потому что «бессрочный отпуск» был не чем иным, как именно увольнением. Вот вам и свобода печати, вот вам и свобода слова!

Вообще-то я думала, что случившийся скандал станет новым витком моей карьеры. Он и стал. Только виток пошел не ввысь, а устремился неукротимо вниз.

Мое отстранение от эфира стало сенсацией номер один. Но четыре дня спустя о нем уже никто не говорил – нашлись другие темы, другие герои, другие скандалы...

Я же сидела в своей столичной квартире, изливала желчь в Интернете, курила, опивалась крепчайшим кофе и ревела, ревела, ревела. То и дело звонили знакомые, приятели и просто любопытные – все хотели знать, как у меня дела. Наверняка желали заполучить информацию из первоисточника, чтобы потом разнести сплетни по всей Москве!

Все как один уверяли меня, что я держалась в эфире стойко, а Софья – беззастенчивая мерзавка, что они на моей стороне, и все будет хорошо, что я не должна отчаиваться, что... В общем, мне снова и снова давали понять: я – полное ничтожество, потерпевшая поражение и оказавшаяся на обочине жизни.

Звонил, причем несколько раз, и мой бывший. Успокаивал. Желал даже приехать. Но я горделиво ответствовала, что сейчас занята новым проектом и поэтому у меня нет времени принять его.

– Жаль, – произнес он тихо. – Но я рад, что у тебя все налаживается, Катюша. А то Безенчук-мамаша хвасталась на одном приеме, что так тебя приложила, после чего ты не поднимаешься. Поэтому я хотел предложить тебе место редактора в моей программе...

Мне захотелось взвыть еще больше. Что может быть ужаснее милости, раздирающей душу? Конечно, мой бывший, с которым мы, кстати, расстались на редкость мирно, если не

считать столового сервиза, брошенного мной, предмет за предметом, в его голову, хотел просто помочь. Вот, предложил мне должность редактора в своей программе.

Да я бы лучше удавилась, чем ответила согласием! Он не хотел меня оскорбить, а оскорбил, он не хотел меня унижить, а унижил, он не хотел меня обидеть, а обидел. Причем намного сильнее, чем Софья!

Мне не оставалось ничего иного, как перед всеми разыгрывать сильную женщину – перед друзьями, родителями и даже перед бывшим мужем. В действительности же я валялась на кушетке, время от времени пускала слезу, пила валерьянку, затем кофе, потом несколько капель ликера, выкуривала сигарету – и все начиналось заново.

Глава 2

Так прошло больше месяца. Обо мне все окончательно забыли, а если и вспоминали, то скорее всего не по имени или фамилии, а «как косноязычную ведущую, которую Софья Безенчук смела, как слон содержимое посудной лавки».

Вот как думали обо мне пользователи Интернета. Вот как думали обо мне друзья, знакомые и приятели, теперь уже бывшие. И даже соседи в элитном жилом комплексе «Смарагд», где у меня имелась скромная трехкомнатная квартирка, косились как-то неприязненно. Или мне это только мерещилось?

Вначале я думала, что продюсеры просто не могут найти номер моего телефона, потому и не звонят. Затем, на второй неделе моего добровольного заточения, до меня дошло – звонков не будет! Наверняка постарались Безенчук-мама и Безенчук-дочка! Они не просто лишили меня работы, но и позаботились о том, чтобы никто не предложил мне вакансию.

«Культовая личность» по-прежнему выходила в эфир пять раз в неделю – только без меня. Новая ведущая, которую, кстати, тоже звали Катей, совсем, к моему возмущению, неплохо справлялась с возложенными на нее обязанностями. Значит, как говаривал вождь всех времен и народов, незаменимых у нас нет?

Поэтому к концу третьей недели, я сама начала проявлять активность – позвонила одному, другому человечку, намекнула, что свободна, как комета Хейла-Боппа, навела разговор на новые проекты и...

И ото всех получила отказ. Никому я, Катя Саматоха, оказалась не нужна! После семнадцатого отказа один из сердобольных продюсеров, сжалившись надо мной, просветил почему.

– Катя, понимаешь. Зачем мне, к примеру, рисковать своей шкурой ради тебя и навлекать на себя гнев Софки и ее мамани-сенаторши? Они при каждом удобном и неудобном случае поминают тебя нецензурным словом. И все знают – если кто-то решит помочь тебе, то станет их новой жертвой. А терять место из-за тебя, извини, не хочется. Не такая уж ты «звезда»!

И что мне оставалось? Только окончательно впасть в депрессию! К тому времени я получила официальное уведомление от руководства телерадиокомпании – меня уволили. Причина – неэтичное и непрофессиональное поведение в прямом эфире.

В мыслях я рисовала картинки ужасной мести – подстерегу Безенчукку в переулке (хотя по переулкам Софья не шатается, а все ездит на шикарных иностранных авто ручной сборки) и исполокую ей лицо бритвой для ног. Или плесну в ее лошадиную мордочку серной кислотой. А мамашу-сенаторшу закажу киллеру, но предварительно разрушу ей репутацию, доказав, что мадам Безенчук берет взятки. Хотя, собственно, этим репутацию нынче не разрушишь, а скорее, укрепишь...

К тому же киллеру надо платить в свободно конвертируемой валюте, причем наверняка весь гонорар сразу, еще до выполнения задания. А денег у меня не было! Имелись какие-то запасы, но они катастрофически быстро подходили к концу. А что потом? Хорошо хоть, квартира имеется – ее можно продать, купить в умирающей деревне деревянную избушку и, переехав в провинцию, жить там припеваючи до скончания дней своих...

Только подобный вариант меня решительно не устраивал. Так что убить сенаторшу и изуродовать ее дочку не получится. А жаль, жаль... Поэтому я приняла иное решение и оповестила общественность о том, что готова принести Софье свои извинения.

Как же низко я пала! Но что поделать, жить захочется – и не так, как говорится, раскорячишься. Тем более, что я хотела сделать из публичного извинения – желательно, в прямом эфире – шоу экстра-класса. Так извиниться, чтобы всем стало окончательно ясно: Софья – дура, каких еще свет не видывал. В общем, поступить подобно Галилею. Тот ведь признал перед инквизицией, грозившей сжечь его на костре, если он не откажется от еретических воз-

зрений, что был не прав. Мудрый старче покаялся на коленях, а потом, вставая, отряхнулся и громко произнес: «Как же здесь, однако, грязно!» И его фраза вошла в историю! А кто вспомнит сейчас о гонителях великого астронома? Так и я, формально принося извинения мерзкой пигалице, распну ее на глазах ее же почитателей. О, я смогу! Я заготовлю такую потрясающую речь, так отрететирую...

Плохо только, что Софья не отреагировала на мой призыв, и второй части дуэли не последовало. Она просто проигнорировала меня, отправившись со своим дружком, тем самым, что предлагал мне сделать «это» с ним «по-быстрому», куда-то за границу, то ли в рай миллионов Монте-Карло, то ли в на остров миллиардеров Сент-Барт.

В общем, мои попытки влиться в струю и вернуться в строй завершились полным провалом. Правда, был один звонок, однако, подозреваю, его срежиссировала все та же ведьмочка Софья – гнусавый голос, представившись бренд-менеджером фармацевтической фирмы с труднопроизносимым названием, предложил мне стать лицом их новой рекламной кампании. Я, почуяв солидный гонорар, тотчас согласилась. И только потом поинтересовалась, что же мне надлежит рекламировать. Как оказалось, новомодное средство от поноса. Впрочем, заявил гнусавый голос, имеются еще на выбор чудодейственный спрей от лобковых вшей и суперсредство от ленточных глистов.

Слишком поздно осознав, что странный звонок – еще одна попытка унижить меня, я положила трубку. А тем же вечером моя беседа с подставным бренд-менеджером уже курсировала в Интернете, ее загрузили никак не меньше полумиллиона человек...

Если кто и получил с этого навар, то не я. Софья снова наставила мне нос! Как же мне хотелось удушить самозваную помпадуршу, а лучше – медленно разрезать на кусочки и заставить саму съесть собственную плоть... О, если бы у меня был талант Ганнибала Лектера, я бы показала Безенчучке, в каких укромных частях ее организма раки зимуют!

Но у меня ничего не было, кроме головной боли, невымытых волос и стремительно тающих сбережений. Если так и дальше пойдет, то мне не по карману станет жить в элитной квартире на тридцать шестом этаже с видом на Москва-реку. Что же делать? Что такого я натворила в прошлой жизни, за что мне приходится столь страшно расплачиваться в этой?

Звонок, разительно изменивший мою жизнь, вырвал меня из объятий Морфея – я, приняв немного рябиновой настойки для успокоения расшатанных нервов, прикорнула на кушетке. Снилось какая-то ерунда: змеи, пауки и отчего-то крокодилы. Я как дипломированный психолог объяснила бы подобные видения влиянием стресса на работу моего подсознания.

Правая нога у меня затекла, во рту чувствовался металлический привкус, хотелось пи-пи. Я проковыляла к телефону, схватила трубку и рявкнула весьма нелюбезно:

– Кати Саматохи нет! Она вчера умерла и находится сейчас на пути в рай!

– Гм, – произнес озадаченно мужской голос, показавшийся мне смутно знакомым, – тогда ничего поделать нельзя. А мы хотели предложить ей участие в телевизионном проекте...

Снова злая шутка или чистая правда? Попытка очернить меня или подарок небес? Не заслуживающая внимания ерунда или мой последний шанс?

– А-а... Ну вы, того... Кто говорит? – строго заметила я. – Меня снова записывают на диктофон, чтобы затем сделать посмешищем всего Интернета?

– А вы кто такая? – поинтересовался голос. – Если госпожа Саматоха умерла и находится на пути в рай, то что вы делаете в ее квартире?

Пришлось дать задний ход и объяснить, что я еще жива. Звонивший оказался шоуменом Дмитрием Виллисом, потому-то голос и показался мне смутно знакомым. Дима был живым воплощением удачи, звездным мальчиком и одним из самых известных ведущих в нашей стране. Впрочем, в последние годы он занимался еще и продюсированием новых проектов.

О новом проекте Димы Виллиса и шла речь. Я, переминаясь с ноги на ногу и чувствуя все нарастающий зов природы, внимала сладким речам Димы. Он не из тех, кто станет идти

на поводу у Софьи или ее мамани. И если он мне позвонил, значит, таково его собственное решение, и он вовсе не желает подставить меня.

И все же, это надо произнести с чувством, с толком, с расстановкой: «Дима Виллис позвонил мне, чтобы предложить участие в своем новом телевизионном проекте». Нет, есть все-таки на свете высшая справедливость, кармическая сущность и космический баланс! Вот он, хвост Жар-птицы, и я должна непременно ухватиться за него!

Поэтому, естественно, долго ломаться я не стала – на безрыбье, как говорится, и рак рыба. Мне уже мерещилось, что я стану ведущей какой-либо новой программы на Первом канале, что мое лицо станет известно всей стране, что я окажусь в серьезной передаче, например в субботнем гламур-шоу...

Глава 3

Все оказалось гораздо прозаичнее – работа временная, мне предлагалось заседать в жюри. Что же, лучше, чем ничего! Правда, программа была не совсем в моем вкусе – новый проект Димы назывался «Война магов». Лично я такую чепухрень никогда бы и под страхом смертной казни смотреть не стала. Виллис был продюсером этого шоу для не особо друживших с головой, вел же его какой-то кривляка.

Суть «Войны магов» заключалась в следующем: публике презентовали десятерых то ли экстрасенсов, то ли жуликов, каждый из которых якобы обладал неким сверхъестественным даром. Один, скажем, умел предсказывать будущее, другой заглядывал в прошлое, третий разговаривал с потусторонним миром, а четвертый заряжал воду энергией или сводил усилием воли бородавки. И раз за разом кто-то из «колдунов» покидал программу, а именно тот участник действия, который набрал меньше всего голосов публики, призванной посылать СМС или набирать заветный номер (небесплатный, вне всяких сомнений).

Чтобы дополнительно развлечь зрителей, на каждое шоу (выходила сия программа раз в неделю, по воскресеньям, к тому же в прямом эфире, что якобы исключало возможность манипуляций и шулерства со стороны кандидатов и съемочной группы) приглашались так называемые эксперты, они же члены жюри. Ими были три человека: две женщины и мужчина или, наоборот, двое мужчин и женщина. Над ними «маги» и ставили эксперименты, при их помощи и удивляли публику своими фокусами. В конце передачи эксперты давали зрителям советы – кто в течение шоу показал наиболее сильное представление, а кого можно отправить домой.

Борьба в «Войне магов» шла за главный приз в размере пятисот тысяч рублей, а также поездки по заграничным местам, известным своей паранормальной активностью. Я бы предложила всех этих экстрасенсов, являвшихся, по моему мнению, типичными аферистами или, на худой конец, личностями с расшатанной психикой, поместить в шлюпку и выпихнуть в самое известное геопатогенное место в мире – в Бермудский треугольник. Вдруг раскроют секрет «чертового места»? Ну а если бедагам не повезет и они, подобно сотням кораблей и тысячам людей, просто бесследно сгинут, то потеря для прогрессивного человечества будет небольшая.

Ни в какое колдовство я не верила, экстрасенсам и предсказателям не доверяла и считала, что лучшим средством от морщин является не заряженный целителем с экрана телевизора крем от мозолей, а круговая подтяжка в элитной клинике красоты. Но создателю программы, то есть Диме Виллису, это было даже на руку – в эфире должны были показать превращение Фомы неверного, то есть меня, в восторженного почитателя талантов собравшихся на эфир шарлатанов.

Я могла бы и отказаться, но – ухватилась за предложение, как утопающий хватается за проплывающую мимо деревяшку. И кто сказал, что шоу не моего формата? У меня же сейчас вообще не было никакого шоу!

Да и, не стану скрывать, Дима обещал мне «позолотить ручку». То есть предложил за три часа мучений неплохой гонорар – не самый большой, но и не маленький, который позволит мне, во всяком случае, еще какое-то время упиваться ликерами и настойками, не думая о завтрашнем дне.

Посему я ответила согласием. Ответь я отказом, то не получила бы в дальнейшем ни единого предложения, даже такого сомнительного, как быть подопытной крысой в шоу с фальшивыми ясновидящими. А так, быть может, если я появлюсь на глазах у публики и продюсеров, меня все же заметят, обо мне вспомнят, меня реактивируют.

И, если быть честной, кто бы отказался показаться во всей красе на телевидении, в прямом эфире, где и делать ничего не надо, только давать глупые комментарии и, не исключено, ассистировать мошенникам, дурающим наивную публику? В том, что все эти так называемые

ворожеи и предсказатели являются мошенниками, я не сомневалась. В потусторонние силы я не верила, а вот в существование демонов вполне – разве не была Софья Безенчук молодой дьяволицей, а ее мамаша-сенаторша – старой чертовкой?

Цикл программ «Война магов», пользовавшийся у зрителей, надо признать, чрезвычайно большой популярностью (что ж, идиотов всегда количественно больше, чем гениев), уже подходил к концу – меня угораздило попасть на полуфинал. Для финала, видимо, моя персона недотянула, все же моя известность сейчас весьма сомнительного толка.

Эфир шел в самое рейтинговое время – в воскресенье вечером. Для программы я выбрала длинное золотистое платье с умопомрачительным вырезом на спине – если что и было у меня сногшибательного, так это спина! Мой бывший даже утверждал, что влюбился в меня, когда увидел именно со спины, еще до того, как имел возможность взглянуть мне в лицо.

Надо мной поработали телевизионные стилисты, и я сама себя не узнала: из зеркала на меня смотрела роковая красавица, гламурная блондинка, которая могла дать сто очков вперед любой Софье на букву «Б». Я осталась чрезвычайно довольна своей внешностью.

Однако все испортил потешный ведущий шоу, мнивший себя остряком: он представил меня как жертву «самой известной красавицы нашей огромной родины», и в эфир пошли отрывки нашей с Софьей перепалки. Больше всего мне захотелось сбежать с передачи, забиться в угол и снова зарыдать. Но делать было нечего, занавес распахнулся, и мне пришлось, нацепив на лицо улыбку от уха до уха, презентовать себя сидевшей в зале публике и одновременно никак не меньше тридцати миллионам телезрителей.

Так и есть, меня пригласили всего лишь потому, что Софья опустила меня в прямом эфире, а под конец вылила на голову бокал воды, да еще и состоялся тот идиотский телефонный разговор с мнимым бренд-менеджером фармацевтической фирмы... Как личность я была неинтересна, меня дефинировали исключительно через Софью! Я была ее прыщом, ее сиамским близнецом, ее аппендиксом!

Оставалось только одно: делать хорошую мину при плохой игре. Я заразительно смеялась, отпускала шутки и колкости в адрес отсутствующей Софьи и делала вид, что вовсю наслаждаюсь глупыми и беспардонными вопросами ведущего, которого мне больше всего хотелось увидеть бредущим к гильотине или, по крайней мере, к электрическому стулу.

Повезло хоть, что на полуфинале я была единственной дамой среди приглашенных экспертов. Моим напарником стал, во-первых, скандальный депутат Госдумы Митрохин, субъект необъятных размеров и обладатель чрезвычайно пронзительного голоса. Депутат некогда числился в наследниках Жириновского и был даже его первым заместителем, а потом попросту кинул своего шефа, переметнувшись в «партию власти», где ему предложили возглавить какой-то думский комитет. Народный избранник являлся постоянным участником всевозможных столичных тусовок, обожал мелькать на телевидении и, подражая своему бывшему шефу, любил ошарашить публику шокирующими заявлениями.

Во-вторых, имелся еще и сосед слева (я восседала в кресле меж двух галантных джентльменов), оказавшийся известным иллюзионистом Марком Чернозитовым, нашим русским Дэвидом Копперфильдом. С иллюзионистом я была шапочно знакома (депутата, увы, знала слишком хорошо – он был у меня на эфире, причем начал немедленно «тыкать», а после того, как выключили микрофоны, предложил мне съездить вместе с ним в баню. Я его и послала – в баню).

Полуфинал «Войны магов» стартовал. Из «десяти негрятят» осталось только четыре, и трем из них надлежало выйти в финал, в котором через неделю предстояло выявить счастливого обладателя пятисот тысяч и путевки в зарубежное турне по колдовским местам.

Экстрасенсы, призванные поразить народ необычными талантами, были пестрой компанией – двое мужчин и две женщины. Каждый из магов имел возможность представить на суд публике, а также жюри, то есть иллюзионисту, депутату и мне, свои способности. Причем в оче-

редном шоу кандидат был обязан удивлять всех нас не старыми, уже показанными в прошлых программах, трюками, а чем-то кардинально новым. В общем, все та же «Фабрика звезд», но только для экстрасенсов.

Хоть я и была настроена скептически, но шоу оказалось занимательным, я бы даже сказала, завораживающим.

Сначала выступил тощий вертлявый студент с примесью африканской крови и кучерявой шапкой волос, делавшей его похожим на Майкла Джексона на заре его карьеры, еще до того, как бедняга при помощи бесчисленных пластических операций превратился в ходячую мумию. Студентик по имени Альберт выбрал в качестве помощницы меня. Ну да, не иллюзиониста же звать на помощь или весившего полтора центнера депутата! Он презентовал собранное из паззлов изображение Моны Лизы, но на месте ее загадочной улыбки зияла пустота. Искомый паззл находился среди сотен прочих в стеклянном барабане, стоявшем на сцене. Мне пришлось вытаскивать наобум из стеклянного барабана паззлы и показывать их моим коллегам из жюри. В задачу тех входило назвать момент, когда мне следовало остановиться и, тем самым, выбрать якобы нужный паззл. И, что самое удивительное, именно тот паззл, который они никак не могли видеть и который был зажат в моем кулаке, и подошел в последнее гнездо – был и улыбкой Моны Лизы! Причем я имела возможность убедиться – прочие паззлы в барабане никак не тождественны, все они отличались друг от друга! Так как же получилось, что я выбрала именно тот, что нужен?

Студент уверял, что сумел сфокусировать ментальную энергию трех судий в астральное тело, которое, стоя у меня за спиной – хотя я никого там не видела! – и подсказывало мне, какой паззл вытащить из барабана, и давало советы моим коллегам, когда сказать «Стоп!».

В общем, бред сивой кобылы. Наверняка фокус с улыбкой Моны Лизы объяснялся очень просто, и никакое колдовство здесь ни при чем. Но, надо признать, трюк произвел на меня неизгладимое впечатление. Так обычно и бывает – поражает воображение всегда что-то простое, но неожиданное.

Второй возникла монументальная бабища неопределенного возраста, вся в черном, с массой гремящих и звенящих амулетов на безбрежной, как озеро Байкал, груди. Звали особу подходяще – Эльвира. Она якобы умела вступать в контакт с миром мертвых при помощи огромного черного кота по кличке – разве могло быть иначе-то! – Бегемот. Эльвира навевала на меня затаенный ужас, говорила загробным прокуренным голосом и уверяла, что у себя дома спит вместо кровати в гробу.

Она предложила каждому из трех членов экспертной комиссии написать на бумажках по вопросу, адресованному одному из усопших. Я боролась с искушением адресовать свой вопрос, скажем, Карлу Марксу: «Какого лешего ты выдумал коммунизм?» Но хитрая прорицательница ограничила круг некромантского общения с покойными родственниками. Поэтому я попыталась узнать у покойной бабушки, куда же она незадолго до смерти запрятала шкатулку со своими золотыми украшениями – мы всей семьей потом бились, пытаясь найти фамильные драгоценности, но так их и не обнаружили.

Эльвира, демонстрировавшая со своим дрессированным котом дешевые трюки, велела нам положить записки в шкатулку с черепами. Затем кто-то из помощников передал шкатулку ей, и тетка при всем честном народе сожгла записки, не имея возможности их прочесть, в треножнике, а затем начала читать заклинания. Через некоторое время, умолкла, якобы вступив в контакт с миром покойников. И, черт побери, уставившись на меня, пророкотала:

– Ты хотела узнать у своей бабушки, куда она перед самой смертью положила определенную вещь?

Волосы у меня едва не встали дыбом – откуда мымра узнала мой вопрос? Ведь она сожгла записки, не разворачивая, чему я сама была свидетелем! Причем вопрос я корябала, прикрыв

листок ладонью и своей не маленькой грудью, так что ни одна скрытая камера не смогла бы зафиксировать то, что я написала!

– Твоя бабушка... Кстати, как было ее имя?

Я ответила, что мою бабушку звали Анной Даниловной.

– Ага... Анна Даниловна... Она очень расстроена, что ты и твои родичи такие алчные. Суть жизни не в материальных ценностях, а в духовных! Так что пусть это останется для вас тайной!

Депутат Митрохин пожелал узнать у покойного отца, сколько ему самому осталось жить, на что тот устами Эльвиры заявил: негоже лезть в дела, которые его не касаются. Иллюзионист же выспрашивал у своей тетки, в каком году она вышла замуж. Эльвира, нахмурившись, держа на руках фырчащего кота, отчитала его в прямом эфире:

– Ты мне не веришь и намеренно пытаешься подвергнуть меня экзамену! Твоя тетка очень разочарована! Она сожалеет, что у нее имеется такой племянник! И, естественно, отказалась отвечать на вопрос!

– Неужели? – холодно улыбнулся иллюзионист Черносвитов. – Только вынужден разочаровать вас, уважаемая Эльвира, как и того духа, с которым вы якобы беседовали. У меня имеется всего одна тетка, младшая сестра моего отца, но она, слава Аллаху, жива и здорова. Так с кем же вы сейчас вступили в контакт?

Сразу после этого мы ушли на рекламную паузу. Эльвира ретировалась со сцены, а иллюзионист объяснил мне:

– В шоу все построено на фокусах, мне ли не знать. Но одно дело, когда надувают подобному и красиво, как студент Альберт. И другое дело, когда дурят беззастенчиво и нагло, что постоянно делает Эльвира.

– Пусть она ошиблась, пусть ваша тетка жива, но как она узнала мой вопрос? – горячилась я, сама незаметно перешедшая из стана скептиков в лагерь верящих. – И как она узнала вопрос уважаемого депутата? И ваш собственный! Она что, умеет читать мысли?

Черносвитов усмехнулся:

– Если Эльвира что и умеет читать, так именно чужие записки. Вы, Катюша, разве не обратили внимания на то, что когда мы положили записки в шкатулку и ее взял помощник, Эльвира тотчас начала завывать и отвлекать всеобщее внимание трюками со своим чудным котом, и освещение в студии тотчас стало иным, призрачным? Это было нужно для того, чтобы мы не заметили – Эльвира сожгла в треножнике совсем другие записки, а вовсе не те, которые написали мы. Сами посудите – зачем строчить записки, если Эльвира действительно может передать мысленно наши вопросы в мир теней? Записки нужны только для того, чтобы сама Эльвира узнала о том, что же мы хотим выведать у любимых покойников. Она сожгла фальшивые, заранее заготовленные записки, находившиеся в потайном отделении шкатулки, а настоящие ее помощники тем временем прочитали и сообщили их содержание Эльвире – вы разве не заметили у нее крошечный наушник? И скажите на милость – если Эльвира может получить с того света любую информацию, отчего она спросила, как звали вашу бабушку?

– Но ведь она действительно общалась с моей бабушкой! – попыталась оказать я сопротивление. Иллюзионист отмахнулся:

– Она так же общалась с вашей покойной бабушкой, как и с моей якобы умершей теткой. Эльвира не дает конкретных ответов, потому что просто не знает их, отделяваясь общими фразами, приправленными мистическим бредом.

Скептицизм разом вернулся ко мне. Ну надо же, не «Война магов», а «Шоу наперсточников»! Иллюзионист прав – дешевые трюки всегда намного эффективнее. И я решила, что посоветую телезрителям выгнать из программы обманщицу Эльвиру. А ведь до сих пор она считалась фаворитом и наверняка была уверена, что заграбастает чек на пятьсот тысяч!

Рекламная пауза закончилась, вертлявый ведущий с языком, как помело, начал сыпать сомнительными шутками. Тут на сцену вновь выплыла Эльвира – тетеньке, по образованию являвшейся зубным техником, явно хотелось восстановить подмоченную репутацию. Она заявила, что в самом деле общалась с покойной родственницей иллюзиониста, просто тот не знает, что у его отца имелась еще одна сестра. Иллюзионист открыл рот, желая ответить, но ведущий ловко представил третьего кандидата.

– Эльвира не сдается, врет по-черному, но, что самое удивительное, такому больше всего верят, – вполголоса констатировал фокусник с сожалением.

Третьим в программе шел некий доктор философских наук – дяденька лет шестидесяти с седой бородой до пупа, делавшей его похожим на ректора Хогвартса, и с не менее длинной седой косицей. Он специализировался, как утверждал, на чтении мыслей. Философ вызвал на сцену меня и велел подумать о том, чего я боюсь в жизни более всего. Боюсь я, надо сказать, многого – и крыс, и крокодилов, и свою бывшую свекровь, мамочку моего экс-супруга. Или, к примеру, того, что больше не найду работу и так и останусь для всей страны жертвой Софьи Безенчук. Целлюлита и рака молочной железы я тоже боюсь.

Но доктор наук со смешной фамилией Пузьяк велел мне сконцентрироваться на самом ужасном происшествии в своей жизни, на самом кошмарном и темном страхе. А таковым у меня было только одно – нет, не перепалка с Софьей, а история с лифтом! Моя покойная бабушка, та самая, что незадолго до кончины запрятала свои золотые украшения в неизвестном месте, обитала в городе Глазове, и наше семейство регулярно посещало ее. Жила бабушка раньше в какой-то хибаре-бараке, а потом ей как ветерану войны выделили квартиру в новом высотном доме. Там все и случилось: я – в ту пору мне было одиннадцать лет – вошла в кабину лифта, нажала кнопку восьмого этажа, где находилась бабушкина квартира, и лифт двинулся вверх, издавая какой-то подозрительный скрежет. Почти достигнув нужного этажа, кабина вдруг замерла, в ней погас свет, и мне сделалось очень и очень страшно. А после этого лифт стремительно полетел вниз!

Слава богу, что сработало устройство блокировки, иначе бы от меня не осталось и мокрого места, если бы лифт грохнулся на дно шахты. Как потом выяснилось, имелся дефект подъемника, который едва не стоил мне жизни.

Причем я провела в кабине еще около часа, пока меня вызволяли общими усилиями из темноты. Ничего страшнее я еще не переживала! После той истории я не пользуюсь лифтами, и даже до своей нынешней квартиры, расположенной на тридцать шестом этаже, добираться пешком по лестнице.

О причине своей фобии я не распространяюсь, о ней даже мой бывший не знал. Конечно, он был в курсе, что лифтом я принципиально не пользуюсь, но и ему, как всем прочим любопытным, я объясняла свое решение тем, что слежу за фигурой, а так как у меня нет времени на посещение фитнес-студии, компенсирую это ежедневными пробежками по лестнице. В моей версии никто не усомнился, а несколько подруг даже последовали моему примеру и полностью отказались от пользования лифтом.

И вот я вспомнила тот ужасный момент более чем двадцатилетней давности – кабина со страшным скрипом несется вниз, я, сжавшись в комок, сижу в углу, уверенная, что сейчас умру...

– Лифт... Вы ужасно боитесь лифта... Боитесь того, что оборвется трос, и вы полетите вниз! – провозгласил доктор наук, державший меня за запястье.

Я, чувствуя, что вот-вот грохнусь в обморок, подтвердила его правоту. Потом на ватных ногах отправилась обратно к своему креслу.

Предположим, дяденька, узнав заранее, кто будет сидеть в жюри, собрал информацию про «экспертов». Иллюзиониста Черносвитова он трогать не стал, тот сам даст фору любому экстрасенсу, депутат Митрохин ничего не боится, разве что лечь спать без пятого, плотного

ужина. Осталась только я – жертва Софии Безенчук. Пузьяк навел справки и разузнал, что я не пользуюсь лифтом. Так как он все же не дурак, то сделал правильный вывод – подобное поведение объясняется не заботой о фигуре и здоровье, а пережитой трагедией. А какая может быть трагедия с лифтом? Только кабина, несущаяся вниз!

Однако надо быть чертовски хорошим психологом, дабы разнюхать такое. Ведь моя неприязнь в отношении подъемников могла объясняться, скажем, тем, что меня ограбили или, чего доброго, изнасиловали в лифте. Но доктор наук Пузьяк сделал единственно верный вывод. За что честь ему и хвала. Такому только в ФСБ работать и шпионов на чистую воду выводить!

Но этот трюк был, так сказать, закуской. Владелец бороды и косицы, раскочегарившись и чувствуя, что может обойти свою главную конкурентку Эльвиру и не только добраться до финала, но и стать победителем, пригласил нас, трех экспертов, на сцену.

Там уже находился огромный ледовый куб, в середине которого виднелась металлическая труба. В ней якобы и находился заранее предсказанный бородачом результат – возможности подменить его, как проделала Эльвира с записками, попросту не было!

Доктор наук решил поиграть с нами в детектив и сказал, что мы совместными усилиями создадим план убийства. Мне выпала честь определить жертву. И я, не долго думая, ляпнула:

– Софья Безенчук!

Ну, это было, с учетом ситуации, более или менее предсказуемо.

Затем бородач попросил депутата Митрохина назвать место убийства, и тот, после короткого раздумья, изрек:

– Столовая Госдумы.

Тоже весьма прозрачно – наверняка именно там депутат проводит большую часть своего депутатского времени.

Наконец, от иллюзиониста Черноситова доктор наук Пузьяк пожелал узнать, что же послужило орудием убийства. О, с какой бы радостью я бы ответила на этот вопрос сама! Хотя назвала бы не меньше десяти тысяч предметов, начиная от скалки и заканчивая фаллоимитатором, при помощи которых отправила бы Софью в тот самый загробный мир, с которым якобы могла коммуницировать Эльвира.

Но Черноситов, не веривший, как и я, в магию и экстрасенсорные способности, дал нестандартный ответ. Он не назвал ни револьвер, ни кинжал, ни цианистый калий. Поразмыслив, иллюзионист изрек:

– Думаю, убийство произошло при помощи асфальтоукладчика.

Прелестно, просто класс! Софья, раскатанная в лепешку асфальтоукладчиком в столовой Госдумы! Я бы сама раз эдак триллион в квадрате с удовольствием проехала по лошадиной физиономии светской четвертькрасавицы!

Наши высказывания были записаны мелом на грифельной доске. А потом, засучив рукава, Пузьяк, обладавший огромной физической силой, при помощи молота стал крушить ледяной куб. Когда обнажилась металлическая трубка, он попросил двух членов жюри самим вынуть ее.

– Вы видите, что я даже не прикасаюсь к цилиндру и у меня нет никакой возможности подменить его!

Да и как бы он мог подменить? Тут даже такой профессионал, как иллюзионист Черноситов, не справился бы!

Вдвоем с депутатом мы вытащили цилиндр, и Митрохин галантным жестом позволил мне отвинтить крышку. Из трубки я извлекла бумажный свиток, перевязанный красной лентой с печатью. Сорвав печать, развернула свиток и показала его на камеру.

Невероятно, но там черным по белому было написано, вернее, напечатано аршинными буквами: «Жертва – Софья Безенчук. Место – столовая Госдумы. Орудие убийства – асфальтоукладчик».

Публика наградила Пузяка продолжительными аплодисментами, и даже Черносвитов снисходительно похлопал его по плечу, произнеся вполголоса:

– Отличная работа. Только признайтесь, вы же переиначили трюк из моего прошлогоднего шоу, ведь так?

Телезрители его слов не слышали. Я находилась под впечатлением – даже если тут и надувательство, то очень красивое и зрелищное. Не то, что примитивный обман колдуньи с черным котом!

Снова последовала рекламная пауза, во время которой я утолила жажду грейпфрутовым соком. А затем настала очередь четвертого кандидата. Вернее, кандидатки.

Глава 4

На сцене, погружившейся в полумрак (откуда-то сверху лился призрачный, внушавший беспокойство лиловый свет), возникла невысокая женская фигурка. Четвертая участница полуфинала не обладала инфернальной внешностью, я бы даже сказала, что она не обладала даже сколько-нибудь запоминающейся внешностью, а больше походила на забитую школьную учительницу – какое-то личико, какие-то волосенки, какой-то голосок. Звали экстрасеншу Светланой. Имечко тоже так себе, обычное, могла бы придумать звучный псевдоним, чтобы привлечь внимание.

Если все же учесть, что Света прошла отборочный тур и шесть прямых эфиров, а зрители до сих пор не выбросили ее, значит, что-то в ней есть. Интересно только, что? Не исключено, брала она именно своей ординарностью – на фоне экстравагантных и подчас даже смешных конкурентов выглядела донельзя нормальной, и это, вероятно, пробуждало у зрителей к ней доверие. Что ж, умная стратегия. Мне ли, дипломированному психологу и кандидату наук, не знать!

Я была уверена, что Светлана продемонстрирует нечто завораживающе-интеллектуальное, например попробует усилием воли воспламенить галстук депутата Митрохина или заставит левитировать иллюзиониста Черносивитова. Или, на худой конец, отправит в преисподнюю назойливого ведущего.

Но, к моему большому разочарованию, Светлана, как и мадам Эльвира, решила устроить сеанс общения с мертвецами. Однако обставила действие, надо признать, ловко: никаких тебе черных котиков, никаких заклинаний на псевдомедицинской латыни, никаких треножников с пламенем и шкатулок с черепами. Светлана оповестила общественность, что в прямом эфире попытается реконструировать несколько случаев бесследного исчезновения людей и, если повезет, на глазах почтенной публики раскроет дела, давно отправленные милицией в архив.

Очень ловкий ход, сразу решила я. Если Света сейчас заявит, что такой-то исчез, скажем, тринадцать лет назад и живет ныне припеваючи в Таиланде, все равно правдивость ее слов проверить будет нельзя. Во всяком случае, не сразу. Но ведь для участницы шоу главное – выйти в финал, а после пусть хоть потоп случится!

Но это, оказывается, было предусмотрено создателями «Войны магов» – они заверили, что информация, поступившая от Светланы, будет проверена еще до конца эфира и о результатах непременно сообщат зрителям.

Кроме того (тайну пока знали только продюсер Дима Виллис и ведущий, а также я, которой проболтался сам Дима), Светлане будут презентованы две истории исчезновений. Но одна из них подлинная, а вторая – полностью вымышленная. О чем ясновидящая, конечно, не в курсе. Она должна о ловушке узнать только в конце сеанса черной магии. Вот тогда-то и наступит разоблачение, и будет интересно узнать, как Светлана поведет себя: клюнет ли на фальшивую историю и начнет развивать сюжет, или с самого начала объявит ее обманом.

Если она при помощи своего шестого чувства раскусит «подставу», это станет сенсацией. Если же экстрасенша сядет в галошу, тоже не произойдет ничего ужасного, ведь рейтинг передачи в любом случае скакнет вверх. Светлану, как я поняла, хотели турнуть из программы: она, в отличие от прочих участников, не соответствовала расхожему понятию «экстрасенс» – и внешность не та, и трюки не те. И, самое главное, она не была ничьим протеже: Эльвира с котом являлась супругой владельца фабрики по производству унитазов, родной брат доктора философских наук Пузяка работал в аппарате столичного правительства, а манерный студентик Альберт, по слухам, стал недавно новой пассией одного чрезвычайно влиятельного в шоу-бизнесе певца. Так как выгнать Свету, не обладавшую нужными связями, из программы дру-

гой возможности не было, решили намеренно подставить ей подножку, а после того, как она опозорится в эфире, призвать телезрителей голосовать за остальных кандидатов.

О данной интриге никто, естественно, в курсе не был. По крайней мере, официально. Так что мне даже стало жаль экстрасеншу, ведь вместо нее я бы с большим удовольствием отправила домой Эльвиру.

Итак, Светлане нацепили на голову особый шлем, который не позволял ей ничего видеть и слышать, посадили в кресло, стоявшее спиной к огромному экрану, и показали для зрителей короткий репортаж. Речь шла о молодой женщине по имени Оксана, пропавшей без вести около шести лет назад. Она училась в музыкальном училище, мечтала о сольной карьере, собирала плюшевых собачек и любила пироги с вишней.

После показа сюжета со Светланы сняли шлем, и ведущий поинтересовался, чувствует ли она какие-либо флюиды.

– Да! – уверенно ответила Светлана. – Речь пойдет о... о женщине. Вернее, о девушке. Как же ее зовут... Ольга? Нет, Оксана!

Зал охнул. Я поморщилась. Или Светлана в курсе содержания ролика, или в шлеме имеются дырки!

– Она была веселой, общительной девушкой... – продолжала вещать экстрасенша. – Увлекалась искусством. Живописью... Нет, музыкой! Я вижу ее комнату... Там много собак... Но почему? А, теперь понимаю: собаки не живые, а игрушки!

Гм, если даже учесть, что Светлана втирала нам очки, то делала она все очень достоверно. Складывалось впечатление, что невзрачная женщина и в самом деле вышла на связь с некой потусторонней сущностью.

– Друг... У нее был друг... – заявила внезапно Светлана. Я усмехнулась. Еще бы, у какой же девицы в двадцать лет нет друга!

На сцене появилась мать пропавшей. И когда Светлана завела речь о друге, та подтвердила – да, у ее дочери имелся друг. Причем, как и «увидела» ясновидящая, познакомилась с ним Оксана всего за пару недель до исчезновения.

Потом Светлана стала выдавать поразительные подробности – описала человека, который якобы причастен к исчезновению Оксаны: лысина, роговые очки и, что важнее всего, отсутствующий мизинец на левой руке. Мать девушки, всхлипывая и причитая, сказала, что это портрет их бывшего соседа по даче, некоего Семена Егоровича.

Гм, весьма интересно! Откуда Света могла знать про беспалого дяденьку? Значит, остается только один вариант: ей все было известно с самого начала. Только... нет, не может быть. Ведь от Светланы хотят избавиться, поэтому никто и никогда бы не стал посвящать ее в подробности и уж точно не снабдил бы информацией. Загадка!

А тем временем ясновидящая сообщала удивительнейшие детали – например, что Оксана жива и невредима, однако находится сейчас не в России, а за границей, в городе, где имеется старинный собор из темного камня. (Ну да, ну да, усмехнулась тут я про себя. В каком же иностранном городе нет собора из темного камня?) И якобы попала туда Оксана не по своей воле – ее фактически продали в рабство тот самый новый дружок и бывший сосед по даче. И девушка оказалась в руках торговцев людьми, вернее, женщинами, которых переправляют за рубеж и заставляют заниматься проституцией.

О таких вещах я, конечно, что-то краем уха слышала. Но наверняка слышала и Светлана, вот сейчас и вешает публике лапшу на уши. Поди проверь ее сведения, если она не называет город!

Но провидица, напрягшись до такой степени, что на лбу у нее возникли капельки пота, вдруг выпалила:

– Я вижу название города – Кельн!

Значит, Германия. Немцы-душегубы держат, как во времена Третьего рейха, русских девушек в плену, заставляют на себя батрачить, отнимают все документы, глаз не спускают и принуждают телом зарабатывать деньги для преступников... Дас ист фантастиш!

Но из последующих слов ясновидящей выяснилось, что вовсе не немцы виноваты в трагической судьбе Оксаны, а ее же соотечественники, хотя и бывшие – члены русской мафии.

Светлана обмякла в кресле, лиловый свет сменился на обычный, а я отметила, что на публику нехитрое шоу произвело гораздо более глубокое впечатление, чем выступление троицы предыдущих магов. А ведь отлично Света все рассчитала – наверняка подозревала, что ее хотят попросить из программы, вот и решила извлечь козырь из рукава!

Люди в студии, потрясенные, сначала молчали, а потом начали неистово аплодировать. И даже иллюзионист Марк Черносвитов, склонившись ко мне, произнес негромко:

– А ведь я ей верю! И дай бог, чтобы сейчас ту Оксану отыскали и вызволили из секс-рабства!

Мне бы тоже очень хотелось, но... Кто, собственно, займется поисками? Уж точно не продюсер шоу «Война магов» Дима Виллис! Зрителям, конечно, обещали, что информацию, сообщенную Светой, якобы проверят, но ведь это типичное надувательство. Кельн – город немаленький, так просто какую-то русскую девушку Оксану – даже, предположим, если она там в самом деле нелегально оказалась, – не отыщешь. Тем более, что зовется она сейчас наверняка другим именем. Можно, разумеется, взяться за бывшего соседа по даче и бывшего друга Оксаны, которые ее сдали торговцам людьми, только как же их найдешь в Москве, в которой народу живет раз в десять больше, чем в Кельне... И ведь не заинтересован никто на шоу, чтобы слова Светланы подтвердились, потому что она тогда непременно в финал выйдет, а там, того и гляди, еще и победительницей станет.

Для того чтобы сбить потрясающее впечатление, произведенное рассказом ясновидящей, ведущий завел речь о второй истории – то есть о вымышленной, предназначенной для дискредитации ясновидящей.

Я все ожидала, что Светлана, в дар которой я отчего-то вдруг безоговорочно поверила, встанет из кресла и заявит, что ее пытаются надуть, как и миллионы телезрителей, но ничего подобного не произошло. Провидица оставалась сидеть, яркий свет снова сменился неприятным лиловым сиропом. Голос за кадром пообещал, что видение Светы будет проверено при помощи немецких корреспондентов канала, и я отчего-то не сомневалась, что вердикт будет не в пользу кандидатки – заявят, что ничего из рассказанного ею не подтвердилось, и все.

Тем временем ведущий спрашивал Свету, знает ли она, о чем пойдет речь во второй части эксперимента. Женщина долго ничего не отвечала и вдруг глухим, срывающимся голосом произнесла:

– Я чувствую, что задыхаюсь. Мне очень плохо...

Неужели она интуитивно доперла до того, что второй случай – подстава? Вот это да! Заявить так напрямую она не может, потому что доказательств нет, вот Света и разыгрывает сейчас сердечный приступ в прямом эфире. Раскрытие выдуманного исчезновения придется отменить, и ясновидящая выйдет сухой из воды! И даже если потом все будут уверять, что ее рассказ о судьбе Оксаны не подтвердился, люди, я не сомневалась, повально проголосуют за Свету, а не за трех ее конкурентов.

Ведущий в замешательстве заерзал. Видимо, через наушник ему поступали инструкции от Димы Виллиса, сидевшего в аппаратной. Но ведь нельзя же заставлять человека делать то, что он не хочет! Придется завершать шоу прямо сейчас. Ах какой облом для Эльвиры – попрут особу с черным котом из финала, как пить дать, попрут! И поделом! Нечего чужие записки читать и делать вид, что с моей покойной бабушкой беседовала!

– Светлана, вы хотите прервать эксперимент? – с кислым видом осведомился ведущий, изображая из себя заботливого хозяина эфира. Еще бы, а то ведь заключают потом в желтой прессе, обвинят в том, что не дал передышку несчастной женщине и едва не довел ее до коллапса.

К моему большому удивлению и, как я поняла, к огромной радости создателей шоу, Светлана тихим, но твердым голосом ответила:

– Нет, мы непременно продолжим. Со мной все в порядке. Да, теперь туман в голове рассеялся, и я все вижу. Это ужасно, ужасно, просто кошмарно! История не для слабонервных. Жестокое преступление, и самое плохое, что жертва – ребенок!

Но мне было известно, что во второй, выдуманной, истории пропавшим без вести должен быть якобы некий пенсионер, ушедший с собачкой из дома и так и не вернувшийся к безутешной жене. На лице ведущего возникла легкая победная улыбка. Светлана явно переоценила свои силы и сама позволила заманить себя в ловушку!

– Ага, значит, речь идет о ребенке? – спросил медовым голосом ведущий, не поправляя ясновидящую. Видимо, уже предвкушал, стервец, как после презентации Светой душещипательной истории заявит ей в лицо: «Вы ошиблись, все, что вы сейчас рассказали, неправда!»

Света глубоко вздохнула и ответила:

– Вернее, подросток. Сколько ему было лет на момент исчезновения... Вряд ли больше двенадцати-тринадцати. Да, он говорит, что ему за месяц до исчезновения исполнилось двенадцать. А день рождения у него был... Седьмого июля! Да, две семерки... Исчез же он девятого августа...

– Вы с ним говорите? – завертел головой ведущий, как будто желая увидеть призрак. – Он что, здесь, в студии?

– И да, и нет, – уклончиво ответила Светлана. – Мне сложно объяснить. Он одновременно здесь и в совершенно ином месте. Одно могу сказать с определенностью – ребенок мертв. Да, вне всяких сомнений, он мертв. И более того – он был убит! Воздуха... он сообщает, что ему не хватало воздуха... Мальчика либо задушили, или же он скончался от нехватки кислорода, попросту задохнувшись. Он страдал, очень страдал...

От этих слов, признаюсь, у меня по телу пошли мурашки. Думаю, как и у большинства прочих зрителей. Ясновидящая говорила о неведомом ребенке с такой уверенностью, с таким отчаянием в голосе, что не поверить ей было нельзя. Даже ведущий, как мне показалось, чувствовал себя неуютно.

– Поведайте нам что-либо еще! – потребовал он. – И вы уверены, что речь идет о мальчике?

А за сценой студии находились фальшивые родственники никогда не исчезавшего пенсионера с собачкой – якобы его супруга, дочка и внук, являвшиеся в действительности профессиональными актерами, нанятыми для участия в шоу. Им надлежало беседовать со Светланой, снабжая ложной информацией.

– Конечно, я уверена! – оборвала ведущего экстрасенша. – Он нашел смерть в странной комнате... Там из вещей только прогнивший матрас... с зелеными, желтыми и фиолетовыми кругами, квадратами и треугольниками... Бетонные голые стены... Железная дверь... Очень похоже на какой-то бункер!

– Бункер фюрера? Опять, значит, фрицы? Гитлер капут? – крайне неудачно сострил ведущий, но его глупой реплики никто даже и не заметил.

Светлана продолжала:

– Он говорит, что это был черный фургон... И почему-то Эйфелева башня... Нет, дело происходило в России, а не в Париже, не понимаю, отчего у меня перед глазами Эйфелева башня... Но она имеет какое-то отношение ко всему случившемуся...

– Э... Светлана... – снова встрял ведущий, – не желаете ли побеседовать с родственниками исчезнувшего? Дело в том, что речь идет вовсе не о мальчике, а о пенсионере Василии Харитоновиче Сазонове, семидесяти шести лет, и о его таксе Жозефине...

– Нет! – заявила Светлана так резко, что все, в том числе и я, вздрогнули. – Во все никакой не пенсионер! Не знаю ничего о пенсионере и его таксе! Это он... Феликс!

– Феликс? – глумливо произнес ведущий. – Дзержинский? Или князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, убийца Распутина?

Вот поразительно – на ведущего зашикали из зрительного зала, а чей-то мужской бас внятно произнес:

– Заткнись, козел, а то морду намылю! Дай ей с ребенком поговорить!

Да, похоже, ложная история обернулась против своих же создателей. Все же Светлана что-то почувствовала, уловила фальшь и решила презентовать кошмарную, но такую интересную историю о некоем двенадцатилетнем Феликсе! И ведь ее трюк выведет экстрасеншу в финал!

– А ваш Феликс... Тот мертвый мальчик, который одновременно и в студии, и в совершенно ином месте... – заикнулся после продолжительной паузы ведущий. – Как он оказался в бункере? Играл, упал, очнулся – гипс? Я хотел сказать, он случайно туда попал? Дверь закрылась, мальчик задохнулся...

– Нет! – заявила Светлана. – О, нет! Он стал жертвой изощренного преступления, и в бункере оказался не по своей воле. Этот черный фургон... и Эйфелева башня... Они как-то связаны с его судьбой. Ну конечно, его похитили! Именно на фургоне!

Я, дрожа, посмотрела на депутата Митрохина – тот наморщил лоб и тяжело дышал. Иллюзионист Черносвитов был бледен, как полотно, и сцепил руки на животе. Вот ведь какое неизгладимое впечатление произвел рассказ Светы на членов жюри! И никто не посмеет порекомендовать публике голосовать против нее!

– Э... Нам все же необходимо вернуться к пенсионеру Василию Харитоновичу Сазонову и его родственникам, которые любезно согласились прийти на эфир... – снова завел свою шарманку ведущий. И боязливо оглянулся, ожидая, видимо, что обладатель сочного баса вынырнет из темноты и приведет в исполнение свою угрозу «намылить морду». Однако если ведущий не будет гнуть свою линию, тогда морду ему намылит Дима Виллис!

Светлана же, закрыв глаза и вытянув вперед руки, заговорила:

– Браслет... Я вижу браслет... серебряный... Нет, кажется, из другого металла, но тоже ценного. Платина! Он покрыт узорами... Животные и растения переплетены в причудливом узоре... На Феликсе желтая футболка с белой окантовкой, а на спине – большая черная единица. Темные джинсы... кроссовки... Мальчик очень переживает за родителей, потому что они любят его больше всего на свете... И он знает, что его исчезновение стало для них подлинной трагедией. Феликс просит простить его, потому что он не хотел этого!

Ведущий подал знак рукой, и вспыхнули яркие софиты.

– Ну что же, уважаемые зрители, мы стали свидетелями сеанса черной магии, за которым непременно должно последовать ее разоблачение. И оно сейчас будет вам предъявлено! Дело в том, что наша достопочтенная ясновидящая оказалась не на высоте – в действительности речь шла о пенсионере Сазонове...

В эфир пошел ролик о фальшивой жертве. Публика стала выражать протест, многочисленные голоса требовали предоставить слово Светлане и позволить ей и дальше общаться с мальчиком.

– Как говаривал великий пролетарский писатель Горький: «А был ли мальчик?» Вот в чем вопрос, вот где собака порылась, как сказал бы великий немецкий писатель Гёте! – пытался спасти ситуацию ведущий.

Еще бы, такой конфуз! Подлинный бунт на «Баунти», причем в прямом эфире! И ведь не вырубил и не зарежешь программу. Поэтому мы срочно ушли на внеплановую рекламную паузу.

Ведущий с горем пополам призвал к спокойствию некоторых разбушевавшихся зрителей. А особо рьяных даже вывели прочь. Я обратилась к иллюзионисту Черносветову, лицо которого уже приняло нормальный оттенок, с вопросом:

– А что вы думаете по этому поводу, Марк Львович?

Вместо него ответил жевавший что-то депутат Митрохин:

– Классное шоу! Давно не получал такого заряда адреналина! Отличный сценарий и еще более грандиозное воплощение. Тетка – что надо!

– Да, – произнес медленно Черносветов, потирая подбородок в задумчивости. – Светлана – крайне занятая личность. С подобным я сталкиваюсь в первый раз за свою долгую магическую карьеру...

Тут нас снова дали в эфир, и ведущий, проинструктированный Димой Виллисом, начал разоблачение Светланы. Было объявлено, что история с пенсионером поддельная. Странно, но его слова не произвели должного эффекта. Кто-то в публике даже засвистел.

Ясновидящая, безучастно сидевшая в кресле на сцене, вдруг подняла голову и продолжила:

– Я же сказала, что ничего не чувствую в случае с исчезнувшим пенсионером, который, как мы теперь знаем, никогда и не исчезал. Этим и объясняется то, что я не смогла «поймать» историю о нем – по той простой причине, что такого человека никогда в природе не было. Нельзя же увидеть то, чего нет!

В зале загоготали, а ведущий огрызнулся:

– Отчего же нельзя, Светлана? Вы же утверждаете, будто видите то, что другим не под силу! Но как мы убедились, ваши так называемые экстрасенсорные способности – не более, чем обман... Нам только что сообщили из Германии: ваша история про судьбу девушки Оксаны не подтвердилась.

– Вы что, за двадцать минут все бордели Кельна прочесали? – спросил все тот же бас, а ведущий внезапно завизжал фальцетом:

– Выведите этого человека прочь! Он не дает мне вести передачу!

Похоже, Света все же одержала победу. И я была за нее рада. Пока помощники разыскивали обладателя баса, чтобы выставить его из студии, ясновидящая перехватила инициативу, сказав спокойным, хотя и несколько уставшим тоном:

– Дело в том, что я, по всей видимости, поймала волну другого преступления. Настоящего, а не выдуманного. Ведь в зеркале вы можете увидеть отражение только реально существующего предмета, а никак не воображаемого! Как в случае с телефонной связью – бывает, что в ваш разговор внезапно вклинивается кто-то посторонний. Так и с Феликсом. Когда я вошла в контакт с потусторонним миром, он первым, так сказать, бросился ко мне, потому что мальчик очень переживает за своих родителей. Вернее, за своего отца... Он говорил что-то о своем отце и о том, что тот его очень любит. И о портрете, который тот так и не успел закончить... Но этого я толком не поняла.

Вот ведь Света, одним махом из пешек вышла в королевы! Все, настоящий триумф, она в финале, стопроцентно. А если презентует нечто подобное на следующем эфире, то завоюет первое место.

– Светлана, неужели вы хотите на полном серьезе уверить нас, что общались с мертвым ребенком? – спросил снисходительно ведущий. – Это звучит несерьезно!

– Почему? – парировала так же спокойно Света. – У нас же программа «Война магов». И многие до меня, к примеру, уважаемая Эльвира, демонстрировали свои способности, при помощи которых они вступали в контакт с миром усопших.

Отлично утерла нос! Не может же сейчас ведущий заявить, что в случае с обманщицей Эльвирой общение с духами имело место, а в случае со Светой ставить его под сомнение!

Пока ведущий собирался со своими немногочисленными мыслями, голос из аппаратной произнес:

– Уважаемые зрители, а теперь предоставим слово вам! У нас имеется несколько звонков от телезрителей, желающих поделиться впечатлениями!

И полились дифирамбы, наверняка заранее заготовленные, в адрес Эльвиры, доктора философских наук Пузяка и студента Альберта. Ну да, телезрителей ведь заранее настраивали – голосовать надо именно за них, а не за Светлану! Я откровенно зевала, поглядывая на наручные часики. Еще пара минут, и настанет момент голосования.

Очередной звонок. Ведущий, который обрел прежнее скудоумное остроумие, спросил клоунским голосом:

– И кто у нас сейчас на связи? Кажется, поклонница красавца Альберта из Калуги?

Что-то заскрежетало, и я поморщилась. Да, накладки в прямом эфире всегда неприятное явление. Видимо, кто-то с телефоном бежит около телевизора или на линии помехи.

– Прошу дать следующий, последний, звонок! – произнес скороговоркой ведущий, и скрежет исчез.

– Кто у нас сейчас в прямом эфире? – поинтересовался ведущий сюсюкающим тоном. – Если не ошибаюсь, Николай из Москвы, большой фанат нашей гениальной Эльвиры! Скажите, Коля, что больше всего импонирует вам в этой знойной женщине?

Однако вместо мужского голоса раздался детский тенорок:

– Я не Николай... Я Маша...

– Ага, у нас в эфире небольшая путаница. Был Николаша, стала Маша! – схохмил ведущий. – Ну ничего, Машенька, давайте, делитесь впечатлениями. А Колю прошу извинить – звоните на следующей неделе, может, пробьетесь! Так за кого болеете? Небось за нашего дивного бородача, доктора наук Пузяка? Или за милашку Альберта?

– Нет, я звоню по поводу Светланы... – продолжил детский голос, и ведущий скривился.

– Машенька, детка, сколько тебе лет? Родители знают, что ты у нас в эфире? Это же денег стоит! Ругать тебя потом будут!

Девочка Маша, которой по голосу было вряд ли больше десяти-одиннадцати, сказала со вздохом:

– У меня нет родителей. Я сирота. Воспитываюсь в детском доме...

Ведущий замялся. Как обычно, его острота оказалась неуместной.

– Значит, пробиваешь брешь в и без того крошечном бюджете детского дома? – заявил он. – Машенька, у нас мало времени. Что ты хочешь сказать? Тебе понравилось выступление Светланы? Оно на всех нас произвело неизгладимое впечатление... Спасибо, что позвонила!

– Дайте же ребенку высказаться! – вмешался народный избранник Митрохин. – Малышка в детском доме воспитывается, этот звонок для нее – окно в большой мир!

Ага, Митрохин, как всегда, пытается повысить свой рейтинг, даже за счет ребенка из детского дома! Но я была с депутатом согласна – пусть девочка скажет все, что считает нужным.

– Ну, говори же, Машенька! – глупым тоном произнес ведущий. – Только история про мальчика Феликса уж слишком жуткая. Тебе разве можно такое смотреть? Писаться по ночам от страха станешь!

– Нет, я не писаюсь, – ответила на полном серьезе Маша. – Вот Толик по ночам писается, но ему можно, он маленький еще. И история не жуткая... потому что... дело в том, что...

– Ну, говори же, Машенька, – подбодрил ведущий, – а то нам пора к голосованию приступить и на рекламную паузу отправляться.

Девочка часто задышала и сказала:

– Этот мальчик, Феликс... который умер... я его знала...

– О, ты знала Феликса? – вставил ведущий изумленным тоном. – Он что, тоже из вашего детского дома?

– Нет, – ответила девочка просто. – И я его не то чтобы знала... Все дело в том, что я и есть тот мальчик Феликс! Вернее, я была им в прошлой жизни. А когда он умер, то его душа переселилась в мое тело. Меня давно мучили странные сны, и сейчас, когда я услышала рассказ тети Светы, сразу вспомнила! В предыдущей жизни я была им, тем несчастным мальчиком... которого похитили и убили...

Глава 5

Стоит ли говорить, что бесхитрое заявление простодушного ребенка вызвало настоящий тайфун. Я бы ни за что не поверила в подобное, сочла бы, что звонящий или шутник, или сумасшедший, или, что намного вероятнее, это заранее заготовленный звонок. Но дело-то все в том, что никто в редакции «Войны магов» не мог его заготовить: все изначально было нацелено на то, чтобы избавиться от Светланы. А тут такое шикарное, просто отпадное признание!

Конечно, кто-то может изгаляться, то есть звонит вовсе не девочка лет десяти, а усатый алкоголик лет шестидесяти, умеющий имитировать голоса. Но что-то заставило меня поверить, причем сразу, безоговорочно, что звонок настоящий!

Ведущий, естественно, пытался дискредитировать Машу: мол, она, наверное, имеет в виду операцию по перемене пола, как и стала из мальчика девочкой, нес еще какую-то несусветную ахиною. А когда взволнованная Светлана попросила позволить ей продолжить разговор с Машей, объявил, что настало время для голосования.

Все три члена жюри были единодушны в своем мнении – Светлана должна пройти в финал. Мы так и заявили, каждый в своей манере. Я отметила, что иллюзионист Черносвитов погружен в думы, и, пользуясь тем, что шло голосование и мы были на рекламе, спросила его:

– Тоже ломаете голову над историей с переселением душ, Марк Львович?

Черносвитов кивнул:

– Да, именно, Катенька! Поразительная, нереальная, умопомрачительная история!

– А вот мой бывший шеф уверен, что в его теле живет душа Наполеона, – вставил депутат Митрохин. – Ему так сказала норвежская цыганка.

Я хотела спросить, есть ли в Норвегии цыгане, но мы уже снова были в эфире. На сцене выстроились четыре кандидата, ожидавшие вердикта телезрителей. Раздался удар гонга, и ведущий, получив серебристый конверт с именами, стал снова хохмить, нагнетать атмосферу.

Первой в финал прошла – кто бы мог подумать! – Эльвира вместе со своим десятикилограммовым котом Бегемотом. Вторым финалистом оказался бородастый доктор наук, чей брат работал в аппарате столичного правительства. Теперь предстояло произнести имя третьего финалиста, и им мог быть либо жеманный Альберт, либо тихая Светлана. Ведущий тараторил без умолку, сопел, вращал глазами. И, наконец, заявил:

– Третьего мага, вышедшего в финал, где продолжится борьба за главный приз в пятьсот тысяч рублей и поездку по всемирно известным местам с паранормальной активностью, зовут...

Снова пауза. Снова вращение глазами и жуткие гримасы.

– Зовут Светлана! Поздравляю, Света, на публику ваше общение с духами, настоящими и мнимыми, произвело неизгладимое впечатление!

Эти слова ведущий выплевывал, как кобра выплевывает свой яд. Еще бы, ведь турнули Альберта, а значит, его могущественный покровитель, известный эстрадный певец, который по возрасту годился студенту даже не в отцы, а в дедушки, будет рвать и метать и наверняка откажется принимать участие в новогоднем шоу канала.

Альберт повалился на сцену, дрыгая длинными конечностями и изображая то ли детскую истерику, то ли пляску святого Витта. Внезапно Светлана попросила у ведущего слово, и тот не смог ей отказать.

– Я искренне благодарю всех тех, кто проголосовал за меня, – все так же спокойно сказала ясновидящая. – Однако во время сегодняшнего эфира я поняла, что должна поставить точку. Поэтому покидаю шоу «Война магов» по собственному желанию. А ты, Альберт, можешь вместо меня пройти в финал.

Студентик, только что умиравший на полу, резво подскочил, расцеловал Светлану и, оглашая Останкино и окрестности тарзаньими воплями, принялся скакать на одной ноге туда-сюда по студии.

Публика разразилась громовыми аплодисментами, адресованными одному человеку – Светлане. Она стала несомненной победительницей проекта, для чего ей вовсе не требовалось выходить в финал.

И я считала, что это достойный ответ на нечестное поведение продюсеров программы – Светлана ушла сама, причем все симпатии были на ее стороне. И теперь, если не будет просто дурой, ясновидящая на всю катушку использует свою популярность, обратит ее в капитал, намного превосходящий призовой фонд «Войны магов». Повезет – и программу свою получит, а если нет, откроет салон по наведению порчи и снятию любовной тоски, и будет там лопатой грести монетки.

Я даже завидовала Свете – в отличие от меня, жизнь у нее удалась и скандал в прямом эфире принес ей несомненные дивиденды. Мне же пришлось отправляться после передачи домой, в свою квартиру на тридцать шестом этаже, и переться до нее по старой привычке пешком. Депутат Митрохин приглашал в новый ресторан для особо важных персон (таковой он почитал свои сто пятьдесят килограммов), но я отказалась. Иллюзионист Черносвитов предлагал выпить по паре коктейлей в баре для интеллектуалов и представителей богемы, однако и ему я тоже ответила отказом. Хотелось поскорее снять туфли на высоченном каблуке и принять ванну.

Так я дома и сделала, а затем улеглась спать, тем более что час был уже поздний. Телефонный звонок вырвал меня из середины чепуховых сновидений. До того, как поднять трубку, я взглянула на циферблат электронных часов – десять минут пятого. Ну вот кому не спится? Неужели что-то с родителями случилось? Или депутат Митрохин, дойдя до известной кондиции, решил-таки взять приступом крепость моего целомудрия?

– Катя, приношу тысячу тысяч извинений... – раздалась витиеватые извинения, и я узнала голос иллюзиониста Марка Черносвитова. – Убеждал его подождать до утра и позвонить в приличное время, не раньше десяти, но он хочет видеть вас немедленно...

– Кто – он? – осведомилась я, спросонья жутко зевая и почесывая левой рукой правую лопатку. – Если наш народный избранник с телосложением Гаргантюа и сексуальным аппетитом Казановы, то пошлите его как можно дальше, например на российско-китайскую границу!

– Нет, Катя, с вами... вернее, с нами хочет переговорить отец Феликса, мальчика, историю которого поведала на эфире Светлана. Того самого Феликса, который был похищен, умер и чья душа теперь якобы обитает в теле некой сироты Маши...

Сон как рукой сняло, и я, чувствуя небывалую сенсацию, которая поможет мне одним махом вернуться на журналистский олимп, быстро переспросила:

– И где сейчас папаша? Задержите его немедленно! Я хочу с ним переговорить! Эксклюзивное интервью! Кто еще об этом знает?

– Дима Виллис, – ответил иллюзионист, – но он дал мне честное слово, что будет молчать.

Хм, честное слово Димы мне известно. Наверняка растреплет по всей Москве. Если уже не растрепал. И отца мальчика уже мурыжат спецы из «Комсомолки» или «Желтой газеты».

– Но беспокоиться вам не стоит, отец Феликса никуда не денется. Живет он в столице, вернее, в ее окрестностях...

– Как его зовут? – спросила я и получила ответ:

– Речь идет о Сальвадоре Аскольдове. Он – «сова», поэтому и хочет видеть нас именно сейчас. Я уже на пути к нему, а за вами он обещал прислать своего водителя. Четверти часа на сборы вам хватит?

Глава 6

Четверти часа мне, конечно, не хватило. Какой, скажите на милость, нормальной современной женщине было бы достаточно пятнадцати минут, чтобы привести себя в порядок и поменять пижаму на деловой костюм? Водителю пришлось ждать меня еще минут десять. Но – ни слова упрёка, ни даже желчного взгляда, когда я появилась, несколько запыхавшись после спуска по лестнице, на крыльце нашего элитного дома.

Автомобиль соответствовал статусу художника – стального цвета «Роллс-Ройс» старинной модели. Примерно в таком ездит английская королева. Впрочем, британскую Елизавету Сальвадор Аскольдов знает лично, он же написал ее портрет...

Сальвадор Аскольдов был одним из самых известных, если не самым известным, художником современной России. И уж точно самым высокооплачиваемым и богатым! К нему тянулась очередь из олигархов, их жен и любовниц, «звезды» и политики непременно считали высшим шиком, чтобы у них в кабинете или гостиной висел портрет, исполненный Аскольдовым. Причем самая паршивая картинка стоила никак не меньше пятидесяти тысяч – евро, а то и фунтов стерлингов, конечно же! Говорят, кто-то из нуворишей, не обладавший нужным терпением, но зато обладавший солидным банковским счетом, отвалил Аскольдову сразу целый миллион – только за то, чтобы художник изобразил портрет его семейства вне очереди.

Аскольдов до недавнего времени был неперенным почетным гостем всевозможных столичных вернисажей, тусовок и вечеринок. Его седеющие длинные кудри и остроконечная бородка мелькали и за границей – он портретировал сильных мира сего в Европе, Америке и Азии. Правда, в последнее время художник исчез с гламурного горизонта – у него диагностировали какую-то неврологическую болезнь, не то паралич, не то последствия инсульта. В итоге, по слухам, он был прикован к инвалидному креслу.

Взлет его карьеры начался с того, что еще в конце восьмидесятых ныне покойный папа римский получил в дар от Аскольдова собственный портрет. Он чрезвычайно понравился святому отцу, и с тех пор от известных и родовитых клиентов у Аскольдова не было отбоя. Среди них английская королева, несколько других королей и королев, а также сэр Пол Маккартни и сэр Элтон Джон, президент Клинтон и Сара Джессика Паркер...

Творил Аскольдов, которого родители в самом деле нарекли Сальвадором (что позволяло ему считать себя вторым Дали), в непонятном стиле, именуемом «сальвадорическим», и добился славы гения всех времен и народов. Но теперь, как судачили в столичных кругах, не способный держать кисть в руках по причине болезни, Аскольдов давал наставления ученикам, и те под его руководством ваяли картины.

Обо всем этом я думала, пока «Роллс-Ройс» нес меня по ночной Москве. Обитал Аскольдов – разве могло быть, собственно, иначе! – за городом, а именно на Рублево-Успенском шоссе. Впрочем, у художника имелось и ателье в самом центре столицы, выделенное ему старым приятелем-мэром, а также раскиданная по всему миру недвижимость – шале в Швейцарии, квартира в Монако, палаццо в Венеции, студии в Нью-Йорке и Буэнос-Айресе. Что ж, он мог себе позволить – уже в течение пяти или шести лет Аскольдов возглавлял список самых богатых деятелей искусства и шоу-бизнеса нашей родины, оставляя далеко позади и певцов, и актеров, и писателей.

Все же приятно, черт побери, когда тебя везет «Роллс-Ройс»! Но я в мыслях вернулась к сумбурному разговору с иллюзионистом Черносвитовым. Выходит, Светлана нас не обдурила, и несчастный мальчик Феликс действительно был сыном самого Аскольдова? Но разве у него имелся сын? Я напрягла извилины и наконец вспомнила: да, у художника имелся отпрыск, умерший, однако, много лет назад.

На слуху была свадьба Аскольдова, имевшая место пару лет назад, когда болезнь еще не приковала его к инвалидному креслу, – художник, которому было под пятьдесят, плейбой и холостяк (бывшая жена постоянно проживала на Лазурном берегу), считался одним из самых желанных женихов Москвы. О его любовных похождениях ходили легенды, говорили, что он был чрезвычайно галантен со своими пассиями и всегда щедро одаривал их после неизбежного расставания.

Но вот и Сальвадор Аскольдов пал жертвой Амура – художник сделал предложение молодой фотомодели то ли из Башкирии, то ли из Татарстана, с которой познакомился на одном из светских мероприятий. Девушка была младше его едва ли не на тридцать лет и относилась к разряду безмозглых куколок. Но, видимо, такая замечательному художнику и требовалась.

Их свадьба стала событием номер один светского сезона, и праздновал свое бракосочетание Аскольдов сначала в Москве, затем в Нью-Йорке, а потом на Сейшельских островах. Затем в Калифорнии его новая супруга произвела на свет сразу двойню – очаровательных девочек-близнецов. Но о детях Аскольдова ничего не известно. Он тщательно соблюдал конспирацию и, кажется, даже двинул по челюсти одному не в меру ретивому папарацци, когда тот, пробравшись в аэропорт, попытался сфотографировать, как художник с супругой и малышками поднимался по трапу частного лайнера.

В разряд небожителей Аскольдов окончательно перешел, когда презентовал нашему тогдашнему президенту на его пятидесятилетие портрет, которым глава государства оказался до крайности доволен. С тех пор Аскольдова частенько, в особенности после обострения болезни, навещали и президент, и премьер, а столичные чинуши сразу же выстроились в очередь к художнику, что позволило ему без зазрения совести увеличить свои гонорары вдвое.

Я задремала на удобном кожаном сиденье вишневого цвета и пришла в себя от того, что шофер почтительно произнес:

– Мы на месте!

Зевая и потягиваясь, я разглядела в темноте искусно подсвеченный особняк, вернее – настоящий дворец в затейливом мавританско-андалусийском стиле. Делать было нечего, и я покинула «Роллс-Ройс».

Меня встретил лысый крепыш, оказавшийся личным секретарем Аскольдова, и мы вошли в особняк. Обстановка, к моему большому удивлению, была выдержана в минималистском стиле – никакой тебе позолоты, розового или зеленого мрамора да лепнины. Заметив мой удивленный взгляд, секретарь пояснил:

– Мэтр не любит помпы. А особняк он купил у супруги одного опального олигарха, причем по дешевке...

Интересно, что значит в подобных кругах «по дешевке»? За десять миллионов баксов, наверное! Ну да, надо же как-то женам сильных мира сего, попавших за решетку, с воды на хлеб перебиваться!

Мы прошествовали по комнатам, которые, как мне казалось, выглядели нежилыми, поднялись на последний этаж и попали в мастерскую художника. Ателье занимало весь этаж, а вместо крыши были установлены особые стекла, сквозь которые открывался потрясающий вид на небо, озаренное пурпуром и перламутром, в Москву катил рассвет.

Зачарованная игрой ярких красок в обрамлении синих и черных туч, я замерла, понимая, от чего Аскольдов черпает здесь вдохновение. Впрочем, если за портрет платят четверть миллиона фунтов, то вдохновения не требуется, оно заменяется достаточным количеством нулей!

Художник, в черной рубашке и черных джинсах (его фирменным цветом был именно черный), встретил меня оценивающим, напряженным взглядом. Он восседал в ультрасовременном инвалидном кресле, которое по количеству кнопок и компьютерных дисплеев больше походило на центр по контролю за бесперебойной работой атомного реактора. В глаза мне бро-

силось огромное количество холстов, накрытых белыми полотнищами. В студии царил беспорядок, видимо, типичный для любого гения.

Отпустив кивком секретаря, Аскольдов приблизился ко мне и сказал тихим голосом:

– Рад, что вы смогли навестить меня в столь неурочный час. Руки подать вам не могу, так как мои верхние, впрочем, как и нижние, конечности функционируют крайне ограниченно. Повезло, что я еще могу говорить, хотя уже имеются признаки того, что скоро лишусь и голоса.

Еще одна отличительная черта художника – он всегда говорил тихо. Впрочем, это могло быть последствием болезни. Как же, бишь, она называется...

Словно читая мои мысли, Аскольдов заметил:

– Краткий курс невролога для тех, кого пугает мое состояние. Три с половиной года назад у меня обнаружили боковой амиотрофический склероз, сокращенно БАС, он же болезнь Шарко, или болезнь Лу Герига. Давайте раз и навсегда обговорим это, чтобы больше не возвращаться к данной теме. Чтобы было понятно и для дилетанта: мои мышцы медленно, но верно, а в последние полгода все быстрее, атрофируются. Болезнь смертельная и неизлечимая, рано или поздно мне суждено попросту задохнуться – в один далеко не прекрасный день, когда откажется работать дыхательная мускулатура. И тот день не за горами. Хотите кофе?

Переход от смертельного диагноза к прозе жизни был крайне неожиданным. Я кивнула и только сейчас заметила сидящего в кресле с чашкой кофе в руках Марка Черносвитова, а чуть поодаль ясновидящую Светлану в довольно стесненной позе.

– Каюсь, идея привлечь к этому вас, Катенька, моя – произнес иллюзионист. – Я считаю вас чрезвычайно умной женщиной и уверен, что вы будете держать язык за зубами.

Аскольдов, который, видимо, не желал терять драгоценного времени на пустые разговоры, сразу перешел к делу:

– Я сам не видел передачи... «Схватка колдунов»....

– «Война магов», – поправила я, подходя к Марку и опускаясь в кресло между ним и Светланой.

Появился секретарь с подносом, на котором стояли серебряный кофейник, молочник, хрустальная сахарница и фарфоровая чашечка. Слуги в особняке Аскольдова умели исполнять любое желание еще до того, как оно было высказано вслух. Впрочем, при состоянии здоровья хозяина оно и понятно...

– Да-да, «Война магов», – произнес, подъехав ко мне с тихим жужжанием кресла, Аскольдов. – У меня нет времени смотреть телевизор, всю нужную мне информацию я черпаю из Интернета. Мои дети... мои девочки тоже не смотрят телевизор.

Суровый ты, однако, отец, подумалось мне. Я взглянула на Марка Львовича – он был спокоен, но напряжен. Светлана же, как мне показалось, чувствовала себя не в своей тарелке. Еще бы, если тебя посреди ночи привозят в особняк эксцентричного и смертельно больного художника...

– Но в моем доме имеются прислуга и охранники, – продолжил тезка Дали, – и им я не могу запретить смотреть телевизор. Одна из горничных видела передачу и доложила секретарю, а тот сообщил мне о том, что вы вступили в контакт с моим... с моим покойным сыном...

Художник запнулся, и мне показалось, что у него на глаза навернулись слезы и его холерное лицо исказил нервный тик. Болезнь или проявление чувств?

Светлана, опустив голову, произнесла:

– Я не имела представления, что это ваш сын... Как часто бывает, на меня просто нахлынуло странное чувство, а потом возникли образы... Я не могу ими управлять...

– Я так вам благодарен! – воскликнул внезапно Аскольдов. – Вы просто чудо! Вы...

Он снова замолчал, кресло проехалось по ателье, и Аскольдов глухо продолжил:

– Вообще-то я принял решение не дожидаться неминуемой кончины. Существовать подобно растению и быть еще какое-то время прикованным к машинам и аппаратам, искус-

ственным путем поддерживающим жизнь в моем теле, я не хочу. Поэтому планирую к концу года свою кончину – при помощи коктейля из нескольких токсинов и с незабываемым праздником накануне. Если уж умирать, то с музыкой, как пресытившиеся жизнью патриции в Древнем Риме! Но теперь придется это отложить. Покончить с собой я, в конце концов, всегда успею. Теперь мне интересно жить. Теперь я хочу узнать правду – правду о моем сыне Феликсе. Найти его убийц и покарать их. И только вслед за ними пересечь Стикс...

Тон художника был спокойный, но в каждом слове сквозили гнев и что-то еще.

– За одиннадцать лет я побывал у всевозможных прорицателей, ведунов и колдуний, даже к болгарской прорицательнице Ванге, незадолго до ее смерти, ездил... И все они говорили совершенно разные вещи! Одни уверяли, что Феликс жив, другие утверждали, что мертв. Но никому из них я не верил. А вы говорите правду. Да, вы не пытаетесь обмануть меня. Но это мы еще проверим другим путем...

Он подъехал вплотную к Светлане, и женщина поежилась. Художник, помолчав, вздохнул и сказал:

– У меня был сын... Феликс... от первого брака... С моей первой супругой мы давно жили раздельно. И это было, как я теперь понимаю, большой ошибкой. Тогда, одиннадцать лет назад, я уже был известным и богатым. И совершенно здоровым. Кстати, не исключено, что трагедия с Феликсом послужила толчком к развитию болезни... Так вот, олигархи и «звезды» уже тогда желали заказать у меня свой портрет, я же хотел урвать от жизни как можно больше удовольствий. Алкоголь, наркотики, девки, казино, угар, разврат, суета сует...

Марк Черносвитов попытался что-то вставить, но Сальвадор Аскольдов остановил его:

– Нет, мне надо выговориться! Я знаю, что виноват в судьбе Феликса. Он ведь был так привязан ко мне, так любил меня, а я... И эта болезнь – моя заслуженная кара!

Художник тонким белым пальцем нажал одну из кнопок на пульте управления креслом, и тотчас в ателье вошел секретарь. Он вынул из кармана брюк портсигар, зажег одну сигарету и почтительно вставил ее в рот художнику.

– Вообще-то врачи мне запретили, да и из-за дочек я бросил, – признался тот, пуская дым, – но они сейчас, слава богу, вместе с женой в Лондоне. Там они в безопасности... ничего не знают... А что касается меня... От рака легких я все равно умереть элементарно не успею!

Юмор у Сальвадора – чернее не бывает. Накурившись, Аскольдов отослал секретаря с окурком прочь и промолвил:

– Так вот, о Феликсе... Он жил у моей первой жены, Елены. Я обеспечивал их, но сыном не занимался, хотя виделся с ним часто. Феликс был таким красивым, талантливым мальчиком! Он потрясающе играл в шахматы и увлекался музыкой, из него непременно вышел бы толк... Но его похитили. – Голосом художник стал тусклым. – И произошло это именно в августе, месяц и два дня спустя после его дня рождения, который в самом деле приходится на седьмое июля. Да, две семерки... Поэтому-то мы с Еленой и решили назвать его «Счастливчиком», то есть Феликсом. Я помню тот жаркий день, когда он появился на свет... Роды у Лены начались внезапно...

Аскольдов смолк, уставился вдаль. Пауза длилась с минуту, но мы тоже молчали.

– Впрочем, это не имеет отношения к делу. Да, моего сына похитили. Я в то время находился в Париже, там как раз открывалась выставка моих работ. Сын был у Лены – наш брак исчерпал себя, и мы развелись. Она мне позвонила и сказала, что... что Феликс исчез. Я и подумать не мог, что моего сына могут похитить! Феликс был живым, непосредственным мальчиком, у него имелось множество знакомых, он чрезвычайно легко сходилась с людьми. Учился он в элитном британском интернате, однако в августе приехал на каникулы в Москву... Он так скучал по матери и еще больше по мне...

Рассказ давался Аскольдову с трудом, и я поняла, что он идет из самых глубин сердца. Наверняка художник еще ни перед кем не выворачивал так душу!

– Как все произошло, до сих пор не ясно. Елена отправилась в салон красоты, Феликс остался один в ее квартире на Кутузовском. Точнее, он был не один, там еще находились горничная, повар и секретрша Елены. Однако мальчику было двенадцать! Кто в таком возрасте позволит командовать собой, а тем более женщинам? И в задачи этих клуш не входило следить за Феликсом – от них требовалось выполнять прихоти Елены. А та, вместо того, чтобы заниматься сыном, уехала наводить марафет!

О своей бывшей жене Сальвадор Аскольдов говорил с большой неприязнью. Неужели так бывает всегда: за взвезной любовью следует взвезная ненависть?

– Как потом удалось реконструировать, Феликс исчез из квартиры примерно в половине третьего. Во всяком случае, швейцар видел его выходящим из дома в это время. А еще секретарша Елены была уверена, что мальчик говорил с кем-то по телефону. Феликса хватились под вечер, когда моя супруга наконец-то прибыла домой. И то не сразу... И, удивительное дело, даже тогда Елена не посчитала нужным предпринять что-либо. Она решила, что Феликс у одного из друзей, и отправилась на какой-то идиотский прием. И только вернувшись оттуда в третьем часу ночи и узнав, что ребенка все еще нет дома, поняла – случилось нечто непоправимое. Она бросилась звонить мне, и я тотчас вылетел обратно в Москву. А когда в первой половине дня оказался у нее на квартире, нас ждало послание...

Художник снова нажал кнопку, опять возник секретарь, толкающий перед собой столик на колесах, на котором находился ноутбук. Установив столик около нас, секретарь вынул из прозрачной коробочки серебристый компакт-диск.

– Диск был доставлен каким-то мужчиной и отдан швейцару с распоряжением передать моей жене, – продолжал рассказывать Сальвадор. – Мужчину так и не нашли, однако даже если бы и разыскали, уверен, им бы оказался прохожий или бомж, который ничего не знал и выполнил поручение за деньги. Елена не обратила внимания на посылку, и только когда уже прибыл я, раздался этот звонок... – Аскольдов прикрыл глаза. – Я слушал затем запись не меньше тысячи раз. И наизусть выучил ее. Голос был металлический, явно использовали особый прибор, изменяющий тембр. Вот что произнес звонивший: «Ваш сын похищен. Если будете следовать нашим инструкциям, с ним ничего не случится. Если нет – Феликс умрет. Если обратитесь в милицию или спецслужбы, Феликс умрет. Если привлечете газеты и телевидение, Феликс умрет. Если неправильно исполните наши требования, Феликс умрет. У вас имеется двадцать четыре часа, чтобы собрать выкуп. Восемь миллионов долларов. В купюрах по пятьсот долларов. Если хотя бы одна купюра будет каким-то образом помечена, Феликс умрет. Касательно дальнейших действий с вами свяжутся. Чтобы не было лишних вопросов, посмотрите присланный фильм. Вы же не хотите, чтобы ваш сын умер? Тогда готовьте восемь миллионов долларов!»

Похитители рассчитали все верно – они не меньше полудюжины раз пригрозили родителям смертью похищенного ребенка, внушая им мысль – будете работать не с нами, а против нас, живым Феликса не увидите.

– И этот фильм... Никто из посторонних не видел его... Но вам я его покажу!

Секретарь, получив санкцию шефа, вложил в ноутбук компакт-диск и удалился. Художник в кресле отъехал в глубь ателье. Ему наверняка было тяжело смотреть записи в очередной раз.

Пошел короткий фильм. Я увидела напуганного темноволосого ребенка – глаза у него были завязаны черной лентой, а рот заклеен скотчем. Он сидел на фоне кирпичной стены. Страшный металлический голос произнес:

– Вот ваш похищенный сын. Если не хотите, чтобы он умер, платите выкуп. Если не хотите, чтобы он страдал, платите выкуп. Если не хотите, чтобы он стал жертвой сексуального насилия, платите выкуп. Если не хотите, чтобы вам прислали его по кусочкам, платите выкуп. Восемь миллионов долларов – ребенок обретет свободу. Или же...

Вслед за тем раздался демонический хохот, сопровождающийся детскими криками и мольбами о пощаде, а экран залила кровь. Мне сделалось дурно – ролик был нацелен на то, чтобы окончательно сломать волю родителей и до крайности напугать их.

– Просто ужасно, – проговорил с дрожью в голосе Марк Черносвитов. – Чудовищно, бесчеловечно...

– Я был точно такого же мнения, – заявил художник, подъезжая к нам. – Поэтому принялся выполнять требования похитителей. Деньги у меня имелись, а даже если бы их не было, я бы сделал все, чтобы заполучить эти злосчастные восемь миллионов. Я бы отдал и в сто раз больше, лишь бы Феликс вернулся домой – живым и невредимым...

– А что правоохранительные органы? – заикнулась я.

Аскольдов осклабился:

– Я принял решение не обращаться в милицию или ФСБ, хотя у меня там есть хорошие контакты. Считал, что если мы выполним все требования похитителей, Феликса отпустят. И отчего-то не сомневался, что похитители исполняют свои обещания!

Первый раз за все время голос подала Светлана:

– Но все получилось не так... Вы ошиблись...

– Я оказался самым большим кретином за всю историю человечества! – выпалил художник. – Хотя не знаю, спасло бы Феликса или нет вмешательство спецслужб... Прокручивая раз за разом ситуацию, я понимаю – нет, не спасло бы. Похитители с самого начала не собирались отдать мне ребенка. Им были нужны только деньги. И, кто знает, может быть, Феликса... может, его убили сразу после того, как закончили съемку своего кошмарного фильма.

Даже спустя одиннадцать лет эти слова дались художнику с трудом. Судорожно выпустив воздух через ноздри, он добавил:

– Деньги я собрал. Я как раз получил чрезвычайно крупный гонорар от одного саудовского шейха... Поместил пачки, общим числом сто шестьдесят, по пятьдесят тысяч долларов в каждой, в объемистую спортивную сумку, как и было приказано, – мерзавцы прислали с курьером письмо с точным описанием того, что надо было сделать. Конечно, ни курьер, ни почтовая фирма ничего не ведали, и установить, кто отправил послание, было невозможно. Бумага обычная, лазерный принтер. Ни единого отпечатка пальца. Похитители все предусмотрели! Я отправился по требуемому маршруту, свернул на грунтовую дорогу, а с нее – в лесополосу. Там, около специально установленного знака, красной буквы «Ф» на белом фоне, мне требовалось поставить сумку с деньгами и тотчас отправиться в обратный путь. Похитители уверяли, что будут отслеживать каждый мой шаг. И если я посмею задержаться или попытаюсь проследить за тем, кто заберет сумку, то...

– То Феликс умрет, – закончила я его мысль.

– Именно так и завершилось послание, – кивнул художник. – Я сделал все, как надо. В таком случае нам обещали, что когда я вернусь обратно в Москву, Феликс будет ждать меня около станции метро «Южная». Я прибыл туда, но Феликса не увидел. Я все ждал, что он вот-вот появится, но...

Аскольдов снова ненадолго умолк.

– Сначала я подумал, что отправился не к той станции метро. Затем решил, что Феликс ждет меня на квартире Елены. Наконец испугался, что в сумке было не восемь миллионов, хотя сам лично три раза пересчитывал сумму. И даже вообразил, что похитители желают получить дополнительную мзду. Да я бы, повторяю, с радостью заплатил еще восемь миллионов, чтобы только снова увидеть Феликса! Но все напрасно... Мальчик так и не пришел домой, а похитители больше не объявлялись...

– И что вы сделали потом? – спросила я, и Сальвадор дернулся в кресле.

– Три дня спустя, когда я уже находился на грани безумия и подумывал о самоубийстве, Елена, не выдержав, позвонила в милицию. Благодаря моим связям удалось сделать так,

чтобы широкой общественности не стало известно о похищении. Было произведено расследование, к нему подключились и спецслужбы. Стоит ли говорить, что сумка с деньгами бесследно исчезла... Весь преступный мир столицы протрясли, как следует, но это ничего не дало. Никто не был в курсе похищения. Значит, действовали или новички, или суперпрофессионалы. Я все ждал, что вот-вот придет весточка – Феликса обнаружили без сознания, но живым где-нибудь в лесу, на обочине шоссе, в подмосковной деревне. Нет, то были химеры, дурман...

Затем, без особого перехода, художник обратился к Светлане:

– Вы с ним общались? Вы уверены, что он умер?

Светлана печально ответила:

– Да, ваш сын мертв. Мне очень жаль...

– Кто это сделал? – чрезвычайно злым тоном спросил художник. – Ну, говорите!

– Не знаю, – ответила Светлана. – Потому что ваш сын и сам ничего не ведал. То, что я смогла увидеть, вам уже известно...

Художник внезапно наехал креслом, в котором восседал, на женщину, Светлана рухнула на пол, а Аскольдов, застыв над ней, как Каменный гость над поверженным Дон Жуаном, прошептал:

– Скажи, что с Феликсом? Где он, черт побери? Ты что, с ними заодно?

Вместе с иллюзионистом Черносвитовым я едва оттащила художника от несчастной испуганной женщины. На этом наше общение пришлось прекратить. Да к тому же вошедший секретарь доложил, что «господа из службы охраны прибыли».

Бедняжку Светлану сдали на руки трем сумрачным, одетым в одинаковые костюмы типам. Я попыталась спасти ясновидящую, спросив:

– Куда вы ее уводите?

– Если госпоже Мельниковой ничего не известно и она к похищению непричастна, то опасаться ей нечего! – выдал один из мужчин.

Меня его заявление мало успокоило. Наверняка году эдак в тридцать седьмом тем, кого ночью, в одном исподнем, уводили прочь работники НКВД, тоже говорили, нечто подобное, мол, «если вы не виновны, то советское правосудие, самое гуманное в мире, во всем разберется и вас отпустят». Только не верится, что кто-то возвращался потом домой, а если и возвращался, то лет через шестнадцать-семнадцать, в телогрейке и ушанке, прямиком из Сибири, после амнистии по случаю кончины великого кормчего...

Сальвадор Аскольдов пришел в себя после нервного припадка и даже пригласил Марка Львовича и меня к завтраку. Столовая располагалась этажом ниже, в зимнем саду. Стол был роскошным, на нем стояло все, что душе угодно, но только в горло мне не лез ни круассан, ни персиковый джем, ни черный кофе.

– Поймите, женщина перечисляет такие детали, которые может знать только похититель! – заявил художник, словно оправдываясь. – Например, она сказала в прямом эфире, что Феликс исчез девятого августа. Но официально Феликс умер двенадцатого августа! Откуда ей известна точная дата? Или то, во что был одет Феликс в день похищения? А платиновый браслет с мифическими животными в райских кушах – мой подарок, собственного дизайнера и изготовления, к десятому дню рождения сына... О нем никто не мог знать! Феликс носил его, не снимая. И наконец...

Не договорив, художник покинул столовую, оставив нас с иллюзионистом наедине.

– Не верю, что Светлана причастна к похищению, – сказала я упрямо. – Какой похититель станет в прямом эфире хвалиться своим преступлением?

– Я тоже не верю, но проверить ее все же не мешает, – произнес, размешивая в чашке с кофе сахар, Марк Львович. – Чудеса чудесами, но нужно мыслить логически!

– И это говорите вы, главный колдун России! – заметила я с сарказмом.

Возникший, как привидение, секретарь пригласил нас следовать за ним.

И снова анфилады комнат. Мы оказались в просторном зале, который больше походил на языческий храм: объектом поклонения был Феликс. Фотографии, портреты, плакаты – с них смотрело одно и то же лицо. Вернее, Феликс был то толстощеким голопузом, то юным школьником... Кажется, Аскольдов собрал здесь все изображения своего пропавшего без вести сына...

В центре зала стоял мольберт, накрытый черным полотном. Художник в своем кресле находился возле него:

– Ясновидящая... Светлана... – как бы через силу заговорил он, – она сказала, что Феликс испытывает чувство вины за то, что я так и не смог закончить его портрет. Но об этом не знал никто даже из следственной группы! Только я – и Феликс!

По знаку хозяина секретарь сдернул черное полотно, и нашим глазам предстал удивительный портрет мальчика, превращающегося в юношу. Да, что ни говори, но все же Сальвадор Аскольдов – гениальный живописец! Портрет был готов больше чем на половину, а незаконченность придавала ему что-то трепетное и ужасное одновременно.

– Вы первые, кто видит портрет... – обронил Аскольдов. – Даже моя нынешняя жена не имеет доступа сюда... Теперь вы понимаете, почему я желал во что бы то ни стало заполучить эту Светлану? Ведь если она не обманывает и не разыгрывает фарс, то выходит, что... что она общалась с моим сыном... И помимо того...

По его приказу секретарь накрыл портрет Феликса полотном и удалился, а Сальвадор продолжил:

– Та девочка из детского дома... Маша... Она уверяет, что в ней живет душа Феликса. Признаюсь, что до похищения я не был религиозен. Только потом я стал искать утешения в церкви, как православной, так и католической. Был я на службах и в разных сектах. Даже посещал язычников и сатанистов... Но ничто не приносило мне покоя и утешения! Только мысль о том, что со смертью жизнь не заканчивается, дала мне опору. Нет, не загробная жизнь, где-то в аду или раю... Хотя Феликс был ангелом, какие у него грехи! Я имею в виду новую жизнь – переселение душ. То, во что верят индуисты и буддисты. Жизнь прежней души в новом теле.

Что ж, отчаяние отца, потерявшего любимого сына, понять можно. Я бы на его месте тоже схватила за любую соломинку и постаралась бы уверить себя в том, что мой погибший ребенок возродится к жизни в ином теле.

– Скажу честно, – продолжал Аскольдов, – что я увлекся этой теорией. И наткнулся на описание случаев, когда у родителей, потерявших ребенка, было видение, сон, или они слышали голос свыше – им сообщалось, что в их новом отпрыске будет жить душа умершего ребенка! «Я возвращаюсь к вам, мама», – такие слова услышала одна роженица в клинике, готовясь подарить жизнь новому ребенку. И это был голос ее умершей несколько лет назад дочери. Таких случаев, оказывается, достаточно много!

Я не стала давать волю своему скептицизму. Детей у меня пока не было, но я могу себе представить – роженица, особенно если ей дали наркоз, намереваясь произвести кесарево сечение, перед тем, как погрузиться в нирвану, и не такое услышит! Да и странно – в нового ребенка, находящегося еще в животе, душа умершего малыша должна, если мыслить трезво, вселиться не в момент рождения, а в тот самый момент, когда сперматозоид проник в яйцеклетку, то есть в момент зачатия. Так отчего же голосок покойной дочери раздался непосредственно в роддоме, а не в тот момент, когда папа и мама занимались примерно девять месяцев назад на супружеском ложе сексом? И пусть не уверяют меня, что душа вселяется в тело только в момент рождения – это противоречит догмам любой религии, да и в лоне матери ребенок к тому времени уже вполне сформирован и жизнеспособен. Следовательно, душа, если таковая вообще имеется, давно уже обитает в его тельце!

Свои еретические мысли – сказывалось атеистическое воспитание в эпоху позднего Брежнева и раннего Горбачева! – вслух я высказывать не стала, памятуя о том, как художник едва не покалечил Светлану. Но, судя по вытянувшейся физиономии иллюзиониста Черношвигова, он придерживался примерно такого же мнения.

– Поэтому я и женился во второй раз, хотя в первые годы после похищения сына и думать не мог, что у меня будут другие дети, – продолжал Аскольдов. – Ведь я надеялся, что душа моего Феликса... что она вернется обратно на Землю в теле одного из моих новых отпрысков! Я даже настоял на том, чтобы роды состоялись седьмого июля, в день рождения Феликса. Я так надеялся, что душа Феликса перейдет в тело одной из моих дочерей! Я искал знак! А таковой у Феликса был – выводок родинки в виде полумесяца и расположенных подле три точки-звездочки, которые образуют равнобедренный треугольник, в районе седьмого шейного позвонка. Но у моих дочерей не было знака моего сыночка...

Он заставил врачей искусственно вызвать роды у его второй супруги в нужный ему день и искал какие-то родинки! Господи, да мы имеем дело с опасным сумасшедшим! Только в тот момент я смекнула, что Сальвадор Аскольдов сдвинулся по фазе, причем, скорее всего, уже давно, чуть ли не в день похищения своего сына, одиннадцать с лишним лет назад.

– И вот теперь та девочка, позвонившая во время эфира... Да, такое бывает, я читал. Совсем даже не обязательно, что пол умершего и новорожденного ребенка совпадают. Душа моего Феликса продолжила существование в теле какой-то сироты Маши...

Я кашлянула, и художник, словно вернувшись в действительность, пробормотал:

– Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы все было так... Но это всего лишь мечты. Простите, что забиваю вам голову всякой эзотерической ерундой. Конечно, никакого переселения душ нет. И умершие не возвращаются на Землю в новых телесных оболочках. Но Машу прошу проверить на предмет наличия родинки, фирменного знака моего сына. А сейчас – извините, мне нужно отлучиться.

– Интересно, откуда Светлане известно столько подробностей? – промолвил задумчиво иллюзионист, когда хозяин дома выехал на своем кресле за дверь. – И еще детдомовская девочка не идет у меня из головы. Все очень загадочно – и крайне непонятно!

Меня тоже, признаюсь, гложит странное чувство. Ну, предположим, Светлана была причастна к похищению. Или, скажем, к похищению причастен ее муж. Или брат. И он поведал ей кое-какие детали, о которых никто знать не мог, кроме самих преступников, разумеется. Светлана подает заявку на участие в шоу «Война магов», дабы там, в прямом эфире, перед миллионной аудиторией, изобразить из себя великую ясновидящую и дерзкого медиума, обладающего способностью общаться с миром мертвых...

Нет, не клеится. Если Светлана так хотела при помощи эффектного трюка выйти в финал и стать в итоге победительницей программы, то зачем уступила свое законное место студенту Альберту? И вообще, она ведь и так проняла публику рассказом о некой девице Оксане, оказавшейся в руках мафии и занимающейся не по своей воле проституцией в немецком Кельне. Легче всего презентовать подобные истории, которые никто не в состоянии проверить. А Светлана поступила наоборот! Вряд ли она не могла представить себе, если вся история инсценирована, что ее рассказ останется без последствий. И никакой выигрыш, даже в пятьсот тысяч рублей, не стоит того, чтобы оказаться пожизненно за решеткой. Тем более, если Светлана похитительница или связана с преступниками, то, значит, получила более чем солидный куш – восемь миллионов долларов! Тогда ей никакой суперприз в размере полумиллиона «деревянных» просто не нужен.

– Нет, я уже говорил, и своей точки зрения придерживаюсь до сих пор: Светлана к похищению мальчика отношения не имеет, – заявил весомо иллюзионист. – Но, с другой стороны, она не может ничего знать о случившемся с Феликсом! Ведь Сальвадор приложил все усилия, чтобы жуткая история не выплыла наружу. Согласно официальной версии, Феликс утонул,

ныряя с аквалангом где-то на Багамах. Отцовские чувства, конечно, отцовскими чувствами, но Аскольдов не мог позволить себе скандала.

– Ну да, все так! – заявила я. – Но откуда в таком случае у Светланы появилась информация? И что это за девочка такая, утверждающая, что она – реинкарнация Феликса?

– Я не знаю, – честно ответил иллюзионист. – И, если верить заявлению Аскольдова, сирота Маша знает подозрительно много такого, о чем обычные люди никак не могут быть в курсе!

Я, поразмыслив, ответила:

– Не может быть, чтобы они оказались причастны к похищению сына художника – и Светлана, и эта несчастная девочка. Кстати, ее-то и на свете не было, когда Феликс исчез!

– Не было, – подтвердил Марк Львович. – Потому что если она – живое воплощение Феликса, то должна была родиться после его гибели!

Так, в занимательных рассуждениях о возможности переселения душ, мы провели следующий час. Я сама не знала, чему уже верить, а чему нет. История, в которую я впуталась не по своей воле, была более чем необычная. И собственно, что мы еще делаем в особняке художника?

Ответить на этот вопрос мог только сам Сальвадор, который наконец-то присоединился к нам. На его лице играла тонкая улыбка.

– Все становится еще более занимательным, – сказал он, въезжая в салон. – Моя служба охраны, отличные ребята, некогда работавшие в спецслужбах, постарались на славу, и вот что им удалось выяснить от ясновидящей. В момент похищения Феликса ей было двадцать три, она вполне могла быть членом шайки или любовницей одного из бандитов. Но интенсивный допрос, а также тест на детекторе лжи абсолютно ничего не дали. Все свидетельствует о том, что Светлана говорит правду. Да и в тот злосчастный август она находилась со своим тогдашним мужем за границей.

Мы вопросительно посмотрели на художника. Тот в задумчивости сделал несколько кругов по салону, а затем изрек:

– Ну, я и не допускал, собственно, мысли, что эта особа связана с бандитами, похитившими Феликса.

Я не стала возражать и напоминать художнику, что если бы он верил в невиновность Светланы, то ни за что не сдал бы ее в руки чекистам, пусть и бывшим. Но он, похоже, руководствовался формулой «Доверяй, но проверяй». И я бы на его месте, если быть откровенной, поступила точно так же.

– Светлана оказалась столь любезна, что согласилась работать со мной, – продолжил Аскольдов. – Вернее, на меня. Еще бы, если учесть, какой гонорар ей обещан в случае успеха моего плана...

Художник был циником, не сомневающимся в том, что за деньги можно купить абсолютно все. Впрочем, чем дольше я жила, тем больше убеждалась в справедливости данной мантры.

– И она не в обиде на вас за то, что вы сначала чуть не переехали ее креслом, а потом подвергли жесткому допросу с использованием детектора лжи? – протянула я.

– За тот гонорар, который я ей предложил, можно смириться и не с таким, – безапелляционно ответил Аскольдов. – А теперь перейдем к вам. Вы ведь, Екатерина, с некоторых пор сидите без работы? Рискну предположить, что вам нужна новая сфера деятельности, а также деньги. Много денег!

– Кому ж они не нужны! – ответила я в тон Аскольдову.

Тот рассмеялся – настроение у художника поразительно улучшилось.

– И я могу дать вам много денег, а также помочь с новой работой, – заворковал он. – Не забывайте, я на короткой ноге с продюсерами всех крупных каналов, у меня в гостях бывают и президент, и премьер. Это ваш шанс, Катя!

Ну, и чего нужно настырному художнику от меня? Только пусть не говорит, что желает заполучить еще одного ребенка, в которого вселится душа покойного сына! И что я должна выносить его!

– Вы спрашиваете себя, что от вас требуется? – продолжал художник. – Сушная безделица. Я сам, как вы видите, немобилен. А вот вы – молодая, боевая, настырная... Вы же хотите докопаться до истины? Вот и езжайте вместе со Светланой и Марком в тот городок, где в детском доме живет Маша. Я хочу знать, что правда, а что нет!

Его прервал Марк Черносивитов, заметивший:

– Сальвадор, я с радостью помог бы тебе, но не забывай, что сейчас я веду подготовку к новому шоу, которое состоится в Государственном Кремлевском дворце. На меня работают почти двести человек, и я не могу просто так бросить их и уехать куда-то в провинцию! Во всяком случае, в ближайшие дни!

Художник поморщился и заметил:

– И деньгами, как понимаю, изменить свое мнение тебя не заставишь. Ну что же, придется ограничиться двумя женщинами – вами, Катя, и Светой.

– Но почему? – выпалила я. – В вашем распоряжении имеются работники спецслужб, частные детективы, психологи и ученые! При чем тут я?

– Всякие там ученые – сушние шарлатаны по сравнению со Светланой! У нее несомненный дар, и если кто и может докопаться до истины, так только она. И вы! – уверенно заявил Аскольдов. – Я видел запись шоу – у вас имеется нужный настрой. Вы сохраняете баланс между безоговорочной верой и безоговорочным отрицанием. В общем, типичный стандартный обыватель, без семи пядей во лбу. Такой тип мне и нужен.

Прелестный, однако, комплимент! Другой бы на моем месте горделиво поднялся и, попросившись с художником, покинул его дом. Мне же ничего не оставалось, как выслушивать сомнительные замечания. Можно было уйти, но, собственно, почему? Времени у меня сейчас навалом, а денег катастрофически не хватает. Так если миллионер Аскольдов желает, чтобы я разыгрывала роль агента Скалли, так зачем мне отказываться от его предложения? В особенности, если он обещает солидный гонорар и помощь с трудоустройством...

– По выражению вашего лица вижу, что вы согласны, – заключил Аскольдов и назвал сумму, от которой у меня слегка закружилась голова.

Как же хорошо иметь дело с богатыми, вернее – с очень богатыми людьми!

– Деньги для меня ничего не значат, – продолжил художник. – На тот свет я свое богатство взять не смогу, поэтому хочу использовать его, пока жив, и в первую очередь для того, чтобы найти похитителей Феликса.

– А Светлана, – вмешался Марк Львович, – она же ясновидящая... Разве она не может снабдить вас нужной информацией? Заглянуть, скажем, в хрустальный шар, разложить карты Таро или вступить в контакт с мертвыми...

Художник вздохнул.

– Видения не зависят от ее желания. Светлана сказала, что они накатывают, подобно волнам, внезапно. Пока ничего нового ясновидящая сообщить не в состоянии. Но все может разительно перемениться, если она встретится с девочкой! Я уже говорил с директрисой детского дома, пообещал помочь с ремонтом крыши здания и снабдить компьютерным оборудованием. Она тотчас согласилась мне во всем помочь. Так что дело за малым – вы, Екатерина, вместе со Светланой еще сегодня отправитесь в городок с поэтическим названием Ленинск. Расположен он, слава богу, не на Дальнем Востоке и не в Сибири, а под Питером. Туда вас доставит мой вертолет. Что же касается тебя, Марк... Ты – мой старинный приятель, и я бы очень хотел, чтобы ты также принял участие в этой импровизированной экспедиции. Ты знаком со всеми трюками, увлекаешься загадками мироздания. Разве тебе не хочется научно доказать факт переселения душ?

– Понимая, что деньги меня не интересуют, ты взываешь к моему тщеславию, – усмехнулся иллюзионист. – Как давно мы знакомы, Сальвадор? Не меньше двадцати лет... Детей у меня нет, и мне сложно понять, что значит потеря любимого сына, но именно поэтому я не имею права отказать тебе. Однако я смогу отправиться в Ленинск только через несколько дней.

– Понимаю, работа. Ничего не поделаешь... – протянул художник. – Уверен, что дамы на начальном этапе справятся и без тебя. И кто знает, может, вся история яйца выеденного не стоит...

И все же, судя по тону Аскольдова, он возлагал большие надежды на нашу поездку. Я же, признаюсь, сама не знала, чего от нее ожидать. Но почему бы не прокатиться куда-то под Питер, получив за это отличный гонорар и новое место где-нибудь на радио или даже на телевидении? Не спиваться же в своих четырех стенах!

Рассуждала я следующим образом: если история девочки Маши – выдумка или ошибка, то я ничего не потеряю, а только многое приобрету. Через день буду снова в Москве, но зато получу толстый конверт с деньгой и работу. И это несомненный плюс.

Если же вдруг выяснится, что история имеет под собой какую-то реальную основу, и – да нет, совершенно невероятно! – некая девочка Маша является реинкарнацией покойного Феликса, если Светлане удастся разговорить ее, а мне – выйти на след похитителей... О, тогда Аскольдову даже не потребуется ходатайствовать за меня перед своими могущественными приятелями, предложения и так посыплются, как из рога изобилия!

Глава 7

Примерно таким образом я продолжала размышлять, когда во второй половине дня вертолет поднялся в воздух, унося нас со Светланой в городок Ленинск. У меня имелась возможность заехать домой, собрать самое необходимое – самого необходимого набралось четыре чемодана, не могу же я путешествовать налегке! – и вернуться на «Роллс-Ройсе» обратно в особняк Аскольдова.

То, что Марк Черносивитов не мог сопровождать нас, одновременно расстроило и обрадовало. Расстроило, потому что симпатичный маг импонировал мне, обрадовало, потому что не хотелось ни с кем делиться славой. Света Мельникова не в счет, она будет выполнять то, что я скажу. Ей известность не нужна, она добровольно отказалась от места в финале «Войны магов», а значит, если чье имя и появится в газетных передовицах и в интернет-блогах, так именно мое! И теперь уж сообщения будут восторженные – еще бы, я сорву завесу тайны с истории о девочке Маше, которая была в прошлой жизни Феликсом Аскольдовым!

В Ленинск мы попали под вечер. Я имела возможность лицезреть городок с высоты птичьего полета – типичная провинциальная дыра, сделала я вывод. Мне ли, коренной москвичке, этого не знать! Впрочем, в таких крошечных городках имеется какая-то своя неизъяснимая прелесть.

Ленинск к числу подобных не относился. Ладно бы, он был старинным, да на крутом берегу Волги, с массой церквушек и запыленных купеческих особнячков. Так нет, сей населенный пункт являлся продуктом советской эпохи, возведенный в качестве пристанища работников местного цементного завода. Вертолет совершил посадку на поле, которое громко именовалось аэродромом. А там мирно пощипывали травку несколько коров и коз. И куда я только попала! Я, дитя цивилизации и прогресса!

Нас встретил автомобиль – нет, к моему разочарованию, вовсе не «Роллс-Ройс» или, на худой конец, «Мерседес» представительского класса. Нас ожидал микроавтобус оранжевого цвета, одно из окон которого была разбито и заделано фанеркой! И они предлагают данное транспортное средство мне, Кате Саматохе? Но делать нечего, приходилось выбирать: или топтать до детского дома на своих двоих, или усесться на грязное сиденье фырчащего микроавтобуса.

Всем своим видом давая понять, что оскорблена до глубины души, я, стильная столичная дама, к тому же известная (ну, так и быть, не очень) радиоведущая (увы, бывшая), прошествовала в автобус, предоставив усатому шоферу возможность перетащить мои чемоданы в салон. Странно, а у Светланы из вещей был только небольшой рюкзачок и средних размеров спортивная сумка, причем свои вещи она несла сама. Но не могу же я, Катя Саматоха, переть чемоданы на собственном горбу! Нет, как себя поставишь с первой минуты, так к тебе и будут относиться.

Наконец автобус, запыхтев, двинулся в путь, и салон немедленно заполнился запахом бензина. Я достала из дизайнерской сумочки роскошный веер и принялась им обмахиваться.

Пейзаж за окном не радовал. Пятиэтажные хрущобы вперемежку с девятиэтажными, некогда белыми, а теперь серо-сизыми брежневками. Тоска, куда ни глянь! Дорога была в колдобинах, меня ужасно трясло.

Автомобили здесь были, в основном, отечественного производства, хотя попадались и иномарки. Внезапно мы остановились, и я, выгнув шею, с негодованием разглядела причину задержки – пересекало дорогу семейство гусей! Нет, решительно, я попала в девятнадцатый век!

Вытащив из сумочки косметичку, я подправила свое безукоризненное лицо, а затем извлекла мобильный телефон. Нет, вы только подумайте: приема не было! Не оставалось ничего иного, как пялиться в окно, за которым мелькали до ужаса однотипные строения.

Наконец мы свернули на шоссе, и я перестала подпрыгивать на рытвинах. Проехались мимо здешнего подобия Рублевки, хотя таковой сию местность нельзя назвать и в страшном сне: вдоль дороги выстроились уродливо-приторные загородные виллы и особняки, принадлежащие здешним богачам. Где-то залаяла собака, к ней присоединилась другая, затем третья. Что ни говори – провинция... Как же хорошо жить в столице!

Полная гордости от того, что живу в самом дорогом городе мира, я задумалась о приятном: как истрачу гонорар художника Аскольдова. Работодатель, кстати, ведь не уточнил, будет ли он одинаковым в случае негативного и позитивного результата. Только в положительном исходе я сильно сомневалась – нет, уже завтра я покину Ленинск, вернусь в свою Москву и доложу Сальвадору, что девочка Маша никак не может быть новым земным воплощением его сына Феликса.

Автобус проехал мимо небольшой церквушки, сиявшей золотыми куполами и крестами, и я заметила, что мы оказались в сосновом бору. Но меж деревьев что-то мелькало, что-то, вызывавшее трепет и посасывание под ложечкой. Господи, да ведь тут же местное кладбище, и под соснами располагаются надгробные памятники, оградки, плиты да кресты!

Наша «антилопа Гну» замедлила ход, остановившись около металлических ворот с вывеской «Кладбище». Ну надо же, а то я не заметила! Только пусть не говорят, что это место нашего назначения! Конечно, все мы рано или поздно окажемся в подобном месте, но вообще-то я считала, что у меня в запасе имеется еще лет пятьдесят-шестьдесят...

Оказалось, детский дом в Ленинске располагался как раз напротив местного кладбища – что за трогательное соседство! Хорошо хоть, что под боком не торчали трубы крематория. Повернув голову, я разглядела унылое здание из потемневшего красного кирпича с покатою зеленой, местами покрытой рыжими пятнами, металлической крышей. Здание было выстроено буквой «П», и автобус находился около левого корпуса.

Водитель начал выгружать мой скарб, на что я заявила:

– Милейший, это какая-то ошибка! Жить мы будем наверняка в отеле. У вас в Ленинске имеется отель?

Отеля в Ленинске не имелось, и жить нам надлежало в детском доме. Спасибо, что не в сторожке на кладбище! Гонорар гонораром, но неужели я, интеллектуалка, светская дама и ведущая на радио, хотя бы и бывшая, должна провести несколько дней в компании бездомных детей? А вдруг у них вши? Или, боже упаси, глисты? У них ведь наверняка нет здесь нормальной душевой, не говоря уж о туалете! Но сумма, названная Аскольдовым, все же приятно грела душу, заставляя забыть о бытовых невзгодах.

Я заметила любопытные детские физиономии, высунувшиеся из окон. Ну да, ведь не каждый день к ним кто-то приезжает, да еще из самой Москвы!

Навстречу нам вышла невысокая пожилая дама с ярко-рыжими, явно крашенными хной, волосами. Ее наряд – черный костюм с юбкой, белая блузка, брошка со стекляшками на лацкане – напомнил мою первую учительницу. Дама, как я и предполагала, оказалась директрисой детского дома, Агнией Борисовной Плаксиной.

– Рада приветствовать вас, – протянула она сначала Светлане, а потом и мне сухонькую ручку, всю в пигментных пятнах.

Директрисе было под семьдесят, но энергия из нее так и била ключом. Похоже, она будет властвовать в детском доме еще лет двадцать, не меньше, а то и до своего векового юбилея! Наверняка энтузиастка и бессребреница, в общем, представительница того типа людей, который является для меня абсолютной загадкой.

– Как добрались? – провожая нас к детскому дому, спросила директриса.

Я обернулась и указала на свои четыре желтых чемодана, оставшихся на пыльной дороге.
– Ах, не беспокойтесь, Катя, о них позаботится наш завхоз, дядя Паша, – сказала директриса. Но легче на душе у меня не стало, когда я увидела этого самого дядю Пашу на входе – сизый нос, нетвердая походка, слезящиеся глаза.

В холле детского дома пахло чем-то кислым и влажным. Я невольно поморщилась. Нет, за посещение такого места Аскольдов должен сделать надбавку в сто процентов за вредность. Я заметила группку детей различного возраста – от малышек лет трех до подростков лет пятнадцати-шестнадцати. Мне стало стыдно – я прибыла сюда с краткосрочным визитом, а ребята-то живут здесь годами!

Плаксина прикрикнула на воспитанников, и тех как ветром сдуло. Агния Борисовна, как я сразу поняла, была для них несомненным авторитетом, и за ее улыбкой и обходительным тоном скрывалась властная личность.

Директриса провела нас по первому этажу, с гордостью демонстрируя работы воспитанников, украшавшие неровные зеленые стены. Темы были в основном религиозные (местный священник – частый гость детдома). Помимо эстетической, рисунки выполняли и практическую функцию – они закрывали потеки и дыры в стенах.

Светлана живо интересовалась историей учреждения, а директриса оказалась словоохотливой особой. Я вполуха слушала ее, с унынием рассматривая двойные потрескавшиеся деревянные рамы, массивные, со следами ржавчины и сварки, батареи, покрытый плесенью потолок. Мне жутко повезло, что у меня были любящие и обеспеченные родители (отец – заместитель директора на обувной фабрике, мама – доктор наук, заведующая кафедрой в институте).

– Агния Борисовна, Спиридонов снова за свое взялся, вампира из себя изображает, малышкой пугает! – доложила директрисе девица-дылда, видимо, одна из воспитательниц.

Директриса, извинившись, оставила нас в коридоре и отправилась приводить в чувство некоего Спиридонова.

Из окна открывался потрясающий вид – церковь, а вокруг кладбище! И кто только додумался построить здесь детский дом? Я увидела завхоза дядю Пашу, тащившего два моих чемодана. Как же небрежно он с ними обращался! Попытка объяснить мужику, что чемоданы куплены в Брюсселе и стоят больше, чем он получает за пять лет, ни к чему не привели – обдав меня спиртным облаком, дядя Паша икнул и тихими стопами направился с моими чемоданами в неизвестном направлении.

– Какая дикость, какая азиатчина, какая убогость! – загромычала я.

Светлана же произнесла:

– Не забывайте, Катя, что детский дом еле сводит концы с концами. И здешним детям еще повезло, ведь сколько им подобных вовсе не имеют крова над головой и вынуждены жить на улице!

Об этом я как-то не задумывалась. Конечно, в Москве я каждый день видела беспризорников на улицах, но они были для меня мелкими воришками, попрошайками и малолетними наркоманами, которых не было жаль. А Светлана видела в них обыкновенных и несчастных детей. Гм, было над чем поразмыслить...

Вернулась Плаксина и объяснила:

– Дима Спиридонов крайне реактивный мальчик. Впрочем, с учетом его истории, оно вполне понятно. Родители-алкоголики, родная бабушка, продавшая его в банду нищих, постоянные путешествия по стране, клей в пакетах, сексуальное насилие со стороны взрослых... И это притом, что Диме только двенадцать! Неудивительно, что он пытается отыграть на младших за свои горести. Изображает из себя вампира, видите ли...

В словах директрисы сквозила неприкрытая горечь. Я, не желая усложнять себе существование проблемами бездомных детей, быстро спросила:

– У вас в детском доме имеется еще одна занятная личность. Ради нее мы сюда и прибыли. Девочка Маша...

– Да, Машенька Сидорова... – вздохнула Плаксина. – Я говорила по телефону с господином Аскольдовым. Он – замечательный человек, обещал нам помочь. Конечно, вы можете увидеть девочку. Только вся эта история... – Агния Борисовна, покачивая головой, указала на видневшуюся из окна церковь. – Местный батюшка, отец Нектарий, очень нас поддерживает. Знаете ли, он пользуется большой популярностью среди местных предпринимателей, в общем, тех, кто обладает большими деньгами. Отец Нектарий – своеобразный человек, но одного у него не отнять: он заботится о наших воспитанниках даже больше, чем о собственных отпрысках. И призывает местных богачей помогать неимущим, к числу которых относимся, увы, и мы. Однако отец Нектарий строго следит за исполнением религиозных обрядов и заботится о том, чтобы из наших ребят выросли хорошие христиане. Я, если честно, воспитана совсем в другое время, была членом партии – иначе бы поста директора мне не видать, как своих ушей! Но Париж, как говорится, стоит бедни, а помощь отца Нектария и богатых прихожан – того, чтобы наш детский дом стал образчиком религиозности...

Мы шествовали по бесконечным коридорам, и я имела возможность заметить и вздувшийся линолеум, и корытца с ведрами, стоявшие на полу или подоконниках и служившие коллекторами дождевой воды, просачивающейся сквозь крышу, и забитые досками крест-накрест окна...

– Вы сами понимаете, что отец Нектарий не одобряет увлечения мистицизмом, под который подпадает и шоу, где вы, Катя, были одним из членов жюри, а вы, Света, боролись за выход в финал. Кстати, Катя, я раньше регулярно слушала вашу передачу и хочу отметить, что полностью на вашей стороне. Дремучее хамство госпожи Безенчук...

Комплимент из уст директрисы провинциального детдома согрел мне душу. Мы поднялись тем временем по большой лестнице с истертыми ступенями.

– Но я считаю, что детям вредно смотреть исключительно религиозные передачи или фильмы, – продолжала Плаксина. – Это больше смахивает на пропаганду. Раньше был атеизм, а теперь все повально ударились в религию. Но ведь все должно идти из души, от сердца, а не по разнарядке или потому, что стало, дескать, теперь модно!

Мы подошли к высоким, выкрашенным белой краской деревянным дверям.

– Поэтому я разрешаю своим воспитанникам смотреть передачи, которые отец Нектарий не одобряет. Но знать ему об этом вовсе не обязательно. А «Войну магов» он уж точно не одобрил бы, назвал бы бесовским наваждением и сатанинским искушением! Хотя ведь ни один из участников, за исключением вас, Света, не обладает паранормальными способностями, все другие пудрят доверчивым зрителям мозги при помощи незамысловатых трюков, так что магии никакой нет и в помине! Но отец Нектарий этого не понимает, телевизор для него тоже некое подобие демонической игрушки, и если что и можно смотреть, так только трансляцию рождественского или пасхального богослужения...

Отец Нектарий, как я уяснила, был у директрисы Плаксиной не на самом хорошем счету, но она была вынуждена сотрудничать с ним, так как он обеспечивал детскому дому спонсоров.

– Программу «Война магов» ребята любят. Еще бы, чудеса, фокусы и ловкость рук. Кому из детей не понравится! Но история с Машенькой... Во время эфира она, никому ничего не говоря, вышла из комнаты, где у нас установлен один из двух телевизоров, и направилась в мой кабинет. Я как раз выясняла кое-какие хозяйственные вопросы с нашим завхозом и была в подвале. Дверь кабинета была открыта, Маша вошла и позвонила на передачу. Остальное вам известно...

Я спросила директрису:

– А что вы думаете об ее истории? И вообще, откуда взялась в вашем детском доме Маша?

– В переселение душ, как и в геенну огненную, если быть честной, я не верю, – ответила Агния Борисовна. – Что же касается Маши... Ребенок она своеобразный, к тому же страдает эпилепсией. И воображение у нее чересчур живое. Для своего возраста, а ей нет еще одиннадцати лет, девочка чрезвычайно сообразительна. До сих пор Маша никогда не говорила ничего о своей прошлой жизни. К нам попала два года назад, а до того промышляла в Петербурге попрошайничеством и воровством. По ее словам, родители умерли, а родственников нет. Документов при ней никаких, разумеется, не было, то, что ее зовут Маша, она сама сообщила, как и свою фамилию – Сидорова. Маша Сидорова – не очень оригинально, не так ли? Пойди найди ее родных на просторах нашей необъятной родины! Да никто и не пытался, если честно. В любом случае у нас девочке намного лучше, чем на улице или в семье. Я-то предполагаю, что ее отец с матерью живы, однако наверняка алкоголики и, не исключено, находятся в местах не столь отдаленных. Поэтому многие наши дети утверждают, что их родители скончались.

Директриса приоткрыла дверь и добавила:

– Обращайтесь с ней, как со взрослой, она терпеть не может сюсюканья. Маша может быть упрямой, так что криками и угрозами от нее ничего не добьются, ребенок только замкнется в себе.

– Говорите, девочка страдает эпилепсией? – задумчиво поинтересовалась я. – Так, может, ее... видения как-то связаны с болезнью?

– Я не врач и не могу компетентно ответить на ваш вопрос, – заявила Агния Борисовна. – Но не исключаю, что вы правы. Что ж, прошу любить и жаловать!

Мы оказались в просторной комнате, в которой было три кровати. На одной из них, той, что стояла у самого окна, сидела, подоткнув под спину подушку, худенькая девочка, вообще-то больше походившая на мальчика – короткие темные волосы, спортивные штаны, футболка. Она читала книгу. Когда мы вошли, Маша оторвалась от чтения и подняла лицо. Я поразились тому, какая у нее бледная кожа и какие огромные карие глаза. Маша не была красивой в классическом понимании, однако, без сомнения, привлекательной. Уверена, что через несколько лет из нее выйдет прелестная девушка.

– Машенька, к тебе гости, – сообщила Агния Борисовна. – Они специально прилетели из Москвы.

– Я знаю, – ответила спокойно девочка и отложила книгу на одеяло.

Я заметила автора и название: «Жюль Верн. Таинственный остров».

Девочка посмотрела прямо на меня.

– Вы та самая ведущая, которая сидела в жюри полуфинала «Войны магов». Вас зовут Екатерина Сергеевна Саматоха, и вас уволили с радио за то, что вы устроили перепалку с Софьей Безенчук. А Софью я видела, когда еще попрошайничала. В Питере, перед одним шикарным рестораном. Она, вся в мехах и брильянтах, выходила оттуда с пожилым хачиком. Их ждала крутая тачка с затемненными стеклами. Лизка, моя лучшая подруга, и я бросились к ней, заканючили, как велено, историю о том, что мы смертельно больные, но Софья только бровью повела, и нас тотчас отшили телохранители ее хахалы. А она сама уселась в тачку и смылась. Наверняка поехала с ним трахаться. Ни копейки не дала, зараза!

Агния Борисовна, поморщившись, строго произнесла:

– Маша, что за слова? Сплошная примитивщина и нецензурщина! Следи за речью, ты же умная девочка! Я оставлю вас одних...

Директриса вышла, а Маша, озорно взглянув на нас со Светланой, заметила:

– Агния Борисовна – клевая чувиха. То есть я хотела сказать, отличная тетенька. И педагогический опыт у нее крутой. Но считает нас несмышленишками, хотя это не так. Когда в шесть лет попадаешь на улицу, то поневоле приходится быстро взрослеть...

Я не знала, что и сказать. В моем представлении девочка в шесть лет должна играть в куклы и мечтать стать принцессой, а Маша в свои шесть, похоже, прошла все круги ада.

– А вы, – она обратилась к Светлане, – настоящий экстрасенс! Не то, что другие кандидаты, особенно Эльвира с ее завываниями, магическими заклинаниями и черным котом. Кот-то у нее классный, а сама Эльвира – дерьмо!

Надо сказать, девочка мне понравилась. Если она так в десять лет рассуждает, то что будет дальше? Только в том и суть, что ничего не будет. Ну, выйдет она из детского дома, получит профессию, станет крановщицей или фрезеровщицей. Вот, собственно, и все. Весь талант пропадет. А там еще муж-алкоголик попадется, потом несколько сопливых и вечно ноющих детишек появятся... Вот она, судьба простой русской провинциальной бабы! Поэтому хорошо быть изящной, стильной столичной штучкой.

Светлана и Маша принялись обсуждать шоу, я же опустила на кровать. Девочка вдруг заявила:

– Эй, вы, радиоведущая, не садитесь на Викину кровать, а то она вас в бараний рог скрутит! Знаете, какая у нее кличка? Борец сумо!

Я поспешно встала с кровати Вики по кличке «Борец сумо» и осмотрела скудно обставленное помещение. Помимо кроватей имелось еще два стола, шкаф, умывальник.

– Не думайте, что у нас здесь все фигово, – проследив мой взгляд, сказала Маша. – Агния Борисовна из кожи вон лезет, чтобы нашу жизнь улучшить. Правда, она одна такая. Остальные воспитатели – уроды и бакланы. А завхоз дядя Паша крадет все, что под руку попадется.

Я с беспокойством подумала о том, что дяде Паше было доверено транспортировать мои чемоданы. Ведь там дизайнерских тряпок на несколько тысяч евро! А что если завхоз их оприходует?

– Вы же по поводу Феликса? – внезапно произнесла Маша. – Только не притворяйтесь, что приперлись на вертолете из Москвы, чтобы повидать какую-то сироту в детдоме! Вас мой отец сюда направил?

Я открыла рот, не зная, что сказать.

– Мой отец – Сальвадор Аскольдов, – продолжила девочка. – Вернее, конечно, не мой, а Феликса. Того самого мальчика, душа которого вселилась в мое тело.

Мне потребовалось сесть, поэтому я снова опустила на кровать. Только уже не на Викину, Борца сумо, а на соседнюю – там, как пояснила Маша, спала тихоня Надя, и она ничего не будет иметь против, если я посижу на ее одеяле.

– Ну что, тети, выпучили глаза? – заметила весело Маша. – Думаете, я сумасшедшая? Или сочиняю невесть что?

– Нет, я тебе верю, – серьезно ответила Светлана. – Но скажи, откуда у тебя взялись воспоминания о прошлой жизни? Давно они тебя посещают?

Маша нахмурилась, закрыла лицо руками.

– Давно или недавно, какая вам разница... И вообще, вы что, мне допрос решили устроить? Почему папа сам не приехал?

– Он тяжело болен, но уверена, что хочет с тобой встретиться, – пояснила Светлана.

– Поэтому и послал вас ко мне, чтобы вы выведали, не лохотронщица ли я какая? – со смешком, отрывая ладони от лица, произнесла девочка. – Что же касается видений... В последнее время меня стали мучить странные сны. Бетонный бункер, мальчик на матрасе... Я все время в поту просыпалась и кричала. Вика даже накостылять мне по шее обещала!

Девочка вела себя вполне естественно, я бы даже сказала – нормально. Было видно, что говорить о «прежней жизни» ей не очень легко, и она уж точно не пыталась нас обмануть!

– Когда вы в «Войне магов» рассказали эту историю... – Маша посмотрела на Светлану, – у меня в голове словно щелкнуло, и все встало на свои места. Я вспомнила абсолютно все! Странное чувство: я была Феликсом... Вернее, он после смерти стал мной. Вот такие дела!

Светлана опустила на кровать и погладила Машу по руке.

– Все хорошо, милая моя... Я знаю, что тебе пришлось многое пережить, но все осталось в прошлом. Мы хотим только одного – выяснить правду. Готова ли ты помочь нам?

Девочка вздохнула.

– А что вы хотите? Поймать и наказать убийц Феликса? Но я не знаю их имен! Да и вообще, история-то давняя! К чему ворошить прошлое?

Она схватила книгу и снова уткнулась в нее. Любой обманщик на ее месте стал бы заваливать нас информацией, а Маша отказывается с нами говорить!

– Ты что, не понимаешь, как это важно? – рявкнула я. – Феликс стал жертвой похищения и убийства, и если ты что-то знаешь, а ты точно что-то знаешь, то должна...

Светлана, подойдя ко мне, прошептала:

– Не здесь и не сейчас. Пойдемте!

– Спасибо тебе, Маша! – сказала она громко. Мне пришлось подчиниться ясновидящей и выйти за ней в коридор.

– Девчонку надо как следует выпороть, а то она распушена до невозможности! – заявила я в сердцах. – Трудно поверить, что ей всего десять лет. Как она ведет себя со взрослыми!

Светлана покачала головой.

– Маша – уникальное явление.

– Ну и как нам вытащить из этого уникального явления информацию? – усмехнулась я. – Девчонка же намеренно не хочет нам ничего говорить. Маленькая паршивка!

– А вы бы с большим удовольствием стали повествовать о том, что произошло с вами в прошлой жизни? – парировала ясновидящая. – И в особенности о том, что стали жертвой убийства? Думаю, чужие воспоминания, нахлынувшие на Машу, не доставляют ей ни малейшего удовольствия.

Пришлось признать правоту Светланы. Похоже, я была слишком сурова с девочкой. Но мне так хотелось услышать историю Феликса! Маша-то жива и здорова, а мальчик, судя по всему, уже одиннадцать лет как мертв.

Глава 8

Делать было нечего. Светлана сказала, что утро вечера мудренее, и мы отправились на поиски директрисы. Плаксина обнаружилась в актовом зале – за беседой с полным священником с рыжеватой бородой. Местный Савонарола, то есть отец Нектарий, одарив нас тяжелым, немигающим взглядом, произнес густым голосом:

– Это и есть столичные гости, дочь моя? Где-то я уже их видел. Ну, конечно же, вы – та самая чародейка и ведунья, которая морочит людям голову и издевается над нашей верой!

Он ткнул длинным пальцем в Светлану. Меня это заинтересовало – отец Нектарий же проклинает всевозможные шоу, тем более с участием экстрасенсов, запрещает всем их смотреть. По логике вещей, и для него самого телевизор должен быть табу. Так откуда же он в курсе, кто такая Светлана?

Прием был далеко не самый ласковый, нам пришлось выслушать целую проповедь по поводу того, что такое православная вера и с чем ее едят. Светлана пыталась возразить, сказала, что она тоже верующий человек, но священник, оборвав ее на полуслове, заявил:

– Если ты верующая, то как смеешь заниматься чертовщиной? Чудеса творил только Христос, но ему было дозволено, потому что он Сын Божий! А ты кто такая? Неужели ставишь себя на одну доску со Спасителем нашим?

Отец Нектарий, как мне стало ясно, относился к чрезвычайно распространенной категории священников-мракобесов. Удивительно, но в Православной Церкви почти все такие! Странно, а за границей таких служителей Церкви почти не осталось. Разве только где-нибудь в Италии доживают свои дни подобные колоритные личности, да в Америке полно экзальтированных проповедников, заявляющих, что до Страшного суда осталась пара недель.

Отец Нектарий стал попрекать директрису, а Агния Борисовна терпеливо сносила его обидные слова, даже не пытаясь возразить. А ведь мне казалось, Плаксина не из тех, кто лезет за словом в карман. Ну да, она же говорила, что детский дом финансово зависит от отца Нектария!

– И дочь Божья Мария... Что она вообразила о себе? До меня дошли слухи, она звонила на богомерзкую передачу и заявила... язык не поворачивается повторить... заявила, что в нее вселилась душа некоего убиенного отрока. Душа каждого человека уникальна и после его кончины переживает мытарства! Но уж точно не вселяется в чье-то тело! Если в Марию кто и вселился, так бес, дух высокомерия и тщеславия!

– Маша – чрезвычайно интересный ребенок, – ответила спокойно Светлана, не поддаваясь на провокации отца Нектария. – И она не обманывает, когда рассказывает свою историю.

Лицо священника налилось кровью, и мне показалось, что его вот-вот хватит удар. Разговор пришлось завершить, и директриса, извинившись перед батюшкой, вышла вместе с нами из актового зала.

– Отец Нектарий не терпит, когда ему перечат, – пояснила Плаксина. – Боюсь, что ситуация с Машей выйдет нашему детскому дому боком. Ну, да ладно, двум смертям не бывать, а одной не миновать! Хотя с точки зрения теории реинкарнации каждая душа умирает и возрождается несчетное количество раз...

Последняя фраза была произнесена с усмешкой.

Агния Борисовна проводила нас в противоположное крыло, где показала Светлане и мне комнаты. Не фонтан, конечно, не «Риц» и не «Хилтон», но сойдет. Первым делом я пересчитала чемоданы и успокоилась – нет, вороватый завхоз дядя Паша ничего не присвоил. И это радовало.

Директриса пригласила нас зайти к ней через полчаса – к тому времени будет готов ужин, а сама отправилась увещевать отца Нектария. Я прошлась по большой комнате с высокими потолками, уселась на скрипучую железную кровать и задумалась.

А вдруг душа человека и правда не умирает? В религиозную мать я как-то не верила – адское пламя, черти с крючьями да сковородками, вечные муки... Все это было так дико и глупо! Ведь если тело умирает, а в загробный мир попадает только эфемерная душа, то как она может испытывать физические мучения, как ее могут варить в смоле и жарить на противнях демоны и бесы? У души же нет нервных окончаний, она не в состоянии страдать! Да и пресловутые черти... Нет, решительно не завидую я их работе в невесть где расположенном аду, куда, если верить личностям наподобие отца Нектария, попадают едва ли не все люди после кончины – грешки-то за любым водятся! И с каждой секундой на том свете все прибавляется и прибавляется работы, потому что умирают все новые и новые люди. И эти миллионы и миллиарды надо, так сказать, обслужить – каждого определить на свою сковородку или подвесить ребром на крюк. Мне вспомнилась фраза из «Братьев Достоевских» касательно загробного мира: «Откуда там крючья?» Действительно, откуда? В аду что, имеются фабрики по их производству? Там что, тоже все делается на конвейере? А адское пламя, в конце концов! Сколько же энергии на том свете используется? Неужели и там имеется свое, потустороннее, подобие «Газпрома», который обеспечивает газом всю адскую кухню? Значит, есть и потусторонние олигархи? Только откуда они качают энергию, из квазаров и сверхновых, что ли?

Нет, в ад я не верила. Во всяком случае, в тот ад, который проповедует религия – с чертями и чертенятами, с раскаленными сковородками и булькающими котлами со смолой. Но если нет ада, значит, нет и рая. Вот как все просто! И в раю уж точно не ждут героя-террориста сорок девственниц. В такое верят только сексуально озабоченные и закомплексованные типы, у которых нет возможности предаться любовным утехам в земной жизни. Но ведь что-то после смерти есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.